

Олег Никитин

РЕВОЛЮЦИЯ NEXT

За тобой следят. Всегда. Затеряться невозможно — любой шаг фиксируется. Если ты нарушил правила реального мира — тебя накажут. За нарушение правил виртуального мира — просто убьют. Межнациональные корпорации и Сетевая полиция контролируют все. Освободить людей от двойного рабства может лишь двойной удар: в виртуальном мире — с помощью боевых вирусов, и в реальном — с оружием в руках. Раньше это было невозможно. Но теперь в мир пришла Она.

**Хакеры всего мира —
объединяйтесь!**

ПОРТАЛ

Портал

Олег НИКИТИН

Революция. Next

«АСТ»

2012

Никитин О. В.

Революция. Next / О. В. Никитин — «АСТ», 2012 — (Портал)

За тобой следят. Всегда. Затеряться невозможно – любой шаг фиксируется. Если ты нарушил правила реального мира – тебя накажут. За нарушение правил виртуального мира – просто убьют. Межнациональные корпорации и Сетевая полиция контролируют всё. Освободить людей от двойного рабства может лишь двойной удар: в виртуальном мире – с помощью боевых вирусов, и в реальном – с оружием в руках. Раньше это было невозможно. Но теперь в мир пришла Она.

Содержание

1	5
2	13
3	19
4	29
5	38
6	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Олег Никитин

Революция. Next

*У каждой царственной женщины есть
Тайное царство – оно для нее реальной,
Чем блеклый окрестный мир.*

Роберт Грейвз

1

19 марта (0)

Ее ресницы дрожат, словно бабочки на ветру, из последних сил держащиеся за случайный стебелек. Девчонка переминается с ноги на ногу у металлических ворот и трясется, обхватив себя за плечи. Пятна от макияжа, уничтоженного дождем, покрывают щеки неровными разводами. Бледное – красивое – лицо похоже на карту.

Сантана думает, что выглядит она жалко до безобразия, и в нем поднимается гнев.

Обтягивающее платье можно назвать модным, но сейчас оно потеряло всякий вид – дождь расчертил его цветными полосами от молибденовых волокон. И ни единой застёжки – прикид на одну вечеринку. Воротник закрывал шею до самого подбородка, снизу платье заканчивалось на половине бедер. Прическа потеряла форму, и намоченные волосы облепили голову. Сантана опустил взгляд на тупоносые сапожки, измазанные грязью.

– Где ты ее подцепил? – Вопрос адресован племяннику. Шуруп стоит тут же, с его одежды стекает вода. – У какой мамаша увел? Может, еще и жениться пообещал?

Шуруп убирает со лба мокрую прядь и пожимает плечами. Совершенно ясно: если полиция нагрянет сюда в поисках девчонки, не сносить им всем головы.

Искусственная кошка прибегает к воротам Цеха и трется об его ноги. Шуруп поднимает кошку на руки, почесывает за ухом.

– Вообще-то... Да жалко стало, – произносит он. – Еду с занятий, потом вижу – прячется в темном углу возле мусорных бачков. В том месте полно всякого отребья болтается. Представляешь, что с ней будет?

– Настоящая или кибер?

– Живая, я пульс проверил и зрачки – расширяются.

– На полицейский мусор просканировал?

– Конечно – как водится...

Девчонка на секунду выныривает из своего оцепенения и спрашивает:

– Дисфункция? Почему я дрожу?

– Посмотри на себя – кто в таком виде на улицу выходит! – говорит Сантана. Он оттягивает ткань платья на ее плече и отпускает. Девушка стучит зубами. – Шуруп, отведи ее к Гангрене, пусть вкатит вам антивирус и что-нибудь от заразы. Она могла что угодно подцепить на помойке. – Сантана обошел вокруг госты. На том месте, где она стоит, образовалась небольшая лужица воды.

На эти ноги стоит посмотреть. Сантана взирает на племянника, и тот снова дергает плечами. Куся, биомеханическая кошка, лижет его руку.

– Как зовут? – спрашивает Сантана у девушки.

– Ия.

– Что за странное имечко?

Она твердо кивнула:

– Меня зовут Ия.

«Термиты» не обратили на гостью внимания. В Цехе бывало много странных личностей, к ним привыкли, поэтому, когда Шуруп повел Ию в закуток, принадлежащий Гангрена, никто не вышел посмотреть и не оторвался от своего занятия.

– Док, ты мне нужен, – сказал Шуруп.

Грузный немолодой человек, сидевший рядом с полной девушкой на большом продавленном диване, замотал головой. Перед ними было сооружение, представляющее собой визор, натянутый на старинный ткацкий станок. Изображение то и дело шло помехами.

– Сантана сказал, чтобы ты занялся делом, – сказал Шуруп.

Он держал девушку за руку и чувствовал ее дрожь. Гангрена повернул голову и долго смотрел на них двоих, словно выбирая, с кем будет беседовать, а кого проигнорирует. Под глазами у Дока были мешки, щеки покрывала щетина, волосы как всегда в полнейшем беспорядке. Образчик среднестатистического человека, находящегося на грани полного падения на социальное дно.

– Десять минут – и будешь свободен, – сказал ему Шуруп.

Гангрена скривился, но Шуруп не стал выслушивать его жалобы и повел Ию в закуток, принадлежащий Доку. Так или иначе, приказы Сантаны надо выполнять. Это одно из условий пребывания в Цехе. Правило номер один. Гангрена, хоть и был здесь самым старшим, не мог претендовать на особый статус. Поднявшись с дивана, он заковылял в свои владения, отгороженные от остальной части Цеха металлическими и пластиковыми листами, соединенными универсальным клеем и полосами скотча. Как везде, тут была дверь с замком. Каждому нужна тишина и уединение – любой время от времени имеет право забраться в свою нору и наслаждаться обществом самого себя. Правило номер два, можно сказать.

Шуруп остановился у двери.

– Прекрати дрожать, – сказал он Ие.

Она стучала зубами.

– Гипотермия. Дисфункция...

Гангрена было сорок лет – и лучшие свои дни он успел бестолково растратить где-то в прошлом. Он прибил к Цеху два года назад – Сантана переманил его к себе из грязной подпольной клиники, смахивающей на притон, где Док оживлял накачанных наркотой подростков и проводил несложные операции. Сам наркоман и бывший врач-нейрохирург, этот тип обладал бесконечным запасом желчи, которую, впрочем, предпочитал расходовать на самобичевание и депрессии, а не переносить на других без необходимости, боясь отпора. Злость и раздражение были словно топливо для его пессимистического взгляда на действительность.

Включив свет в своей камерке, Гангрена уставился на Ию. Шуруп стоял рядом с ней, скрестив руки на груди.

– Дисфункция? – снова произнесла Ия.

Док поглядел на Шурупа.

– Меня не спрашивай... Она с самого начала была... не в себе, короче... – сказал тот.

Гангрена заскреб серую щетину у себя на подбородке, имевшем форму ударной части кувалды.

– Кибер, что ли?

– Да вроде живая... Сантана приказал вколоть нам антивирус и опрыскать антисептиком.

– А чего тогда мелет?

Ия попыталась улыбнуться – от такой гримасы у Дока даже челюсть отвалилась. Он сглотнул.

– Видимо, мой озноб вызван дисбалансом между погодными условиями и легкой формой одежды. Требуется медикаментозное вмешательство для возвращения телу полной функциональности. Вы располагаете необходимыми лекарствами, мистер Гангрена?

Гумми, полная девушка, несколько минут назад смотревшая с Доком телевизор, сунулась в каморку. Протиснувшись между Гангреной и Шурупом, она присвистнула.

– Шуруп, ты кого п-привел? Да это же явный кибер! Мало тебе живых д-девок, п-пластиковую поиметь задумал? – Ее заикание в моменты гнева или волнения было заметней. Сейчас, похоже, Гумми злилась.

Гангрена покачал большой головой и открыл своим ключом древний металлический шкаф, где хранил лекарства и наркотики. Все сооружение задрожало и загремело, словно живое.

– Ну, отогни воротник, красотка... – пробубнил Док, не оборачиваясь.

Ия попыталась выполнить его приказ, но не сумела. Платье слишком плотно прилегало к коже, и она не знала, как можно обнажить шею. Дернув воротник пару раз, девушка устала на Гумми. Та передразнила ее, скорчив такую же удивленную мину. Ия не прореагировала на этот выпад.

– Что мне делать? – спросила гостя.

– Ну т-ты д-даешь, – проворчала Гумми.

Шуруп подставил свою шею под выстрел из шприца-пистолета и с кислой физиономией потер место укола. Руки у Гангрены, по обыкновению, дрожали, но мимо нужной точки он не промазал. Профессиональные навыки умирают последними, говорил он. Затем Шуруп самостоятельно sprays себе открытые участки кожи и волосы вонючим антисептиком – его макинтош, штаны и байкеры уже и так были пропитаны защитной химией.

– Чего-то она странная, – буркнул Гангрена. – Ты откуда такая взялась, манюрка? Забыла, как раздеваться?

Ия замотала головой:

– Не владею информацией.

– Небось по голове получила, – сказала Гумми. – Или у нее отходняк п-после амфетаминов... У меня было такое.

– Помоги ей раздеться, – сказал Шуруп.

– Этого еще не х-хватало!

– Приказ...

– Чего?

– Гумми, пожалуйста.

Гумми скривила губы, потому что считала, что Шуруп постоянно втайне издевается над ее полнотой и не упускает возможности унижить. В частности, используя авторитет своего дяди.

– Ну садись, д-дурища, сюда... – сказала Гумми.

Она толкнула гостью в грудь, и та плюхнулась на диванчик, стоящий в углу каморки Гангрены. Снятое, вернее содранное с тела платье превратилось в тряпку. Гумми бросила его в коробку, где лежал разный мусор. Ия осталась голой, за исключением сапог.

Шуруп подумал, что действительно есть на что посмотреть. Он не ошибся. Наверное, стоило рискнуть.

– Так я и думал, – сказал Гангрена и жирной пятерней повернул голову девицы так, что стала видна татуировка над левой ключицей. – Да еще импланты в черепе! О GPS-датчике и не говорю, точно в логотипе зашит. Шуруп, да ты соображаешь, кого нам приволок? Задницы товарищей не жалко? О себе ты не заботишься, я знаю, херувимчик такой...

Татуировка изображала логотип и название корпорации «Лунар».

– Она мерзла под дождем, – отозвался Шуруп. – И если бы ее искали, то нашли бы в том переулке или раньше.

– А, плевать... Пусть Сантана разбирается, это ваша с ним проблема.

Гангрена повторил с Ией процедуру обеззараживания и двинулся из каморки прочь, чтобы опять развалиться на диване, стоящем в центральной части Цеха. Ладонь его с хрустом погрузилась в пакет с чипсами.

– ...Сегодня был взят с незаконным игольником один из рядовых членов хакерской группировки «Гевара», – вещал визор, – который пытался внедриться в филиал Объединенного банка с помощью скан-пули усовершенствованной конструкции...

– Бездарь! – хмыкнул Док, когда на станке развернулась голограмма растерянного «Гевары».

Между тем Гумми успела принести самые приличные шмотки из одежного угла, где на металлических стеллажах складировалась чистая и продезинфицированная одежда «термитов».

– Рабочий к-клон или к-кибер, а все живое существо, верно? – Она резкими движениями, будто недовольная ребенком мамаша, помогла девушке одеться – длиннополая армейская рубаха защитного цвета, панталоны на молнии, шерстяной жакет и полосатый шарф. – Ну к-кончай дрожать, п-подруга. Скоро вернешься к хозяевам, п-подлечат... П-приедут, заберут домой. П-потерялась?

– Не знаю. Всегда была с госпожой, а потом вдруг оказалась одна.

Ия улыбнулась – впервые нормально со времени встречи с Шурупом.

– С т-тобой будет спать, Шурупчик? – спросила Гумми.

– Не знаю пока. Сантана...

– Ну разбирайтесь! Если что, я могу п-приютить, у меня к-кровать широкая. Чего уж...

– Спасибо, Гумми.

Шуруп повел гостью на второй этаж.

Сантана отложил до предела потрепанный томик Джеффа Нуна, но с кровати не встал, только кивнул на стулья и убавил громкость радио.

Девушка, кажется, понемногу осваивалась в незнакомой компании и уже без испуга оглядела обстановку – пластиковую офисную мебель еще прошлого века, помятый неизвестными вандалами сейф метровой высоты, каркас монитора, сервер локалки, обклеенные постерами стены и разнообразный мелкий и крупный хлам вроде действующей модели вертолета и шлема «пинболов» с треснувшим стеклом.

– Сантана, тут проблема... Ия – рабочий клон «Лунара», – произнес Шуруп.

Сантана положил ногу на ногу, не сводя взгляда с гостью.

– Сбежала?

– Говорит, потерялась.

– Ладно, сейчас проверим...

Сантана снял с гвоздика сетевые очки и развернул на коленях потрепанную тактильную клавиатуру. Дополнительный монитор раздулся голограммой между струнами каркаса. Шуруп достал с полки ручной сканер биодатчиков и начал обследовать череп гостью.

Пока к ее голове прикасались гибкие усики-щупы, Ия сидела не шевелясь. Шуруп подумал, что она, кажется, вообще не чувствует воздействия низковольтных импульсов.

Импланты в ее черепе, на макушке и затылке, были вполне функциональны и сейчас, судя по электрической активности, обрабатывали сигналы неизвестной природы.

Датчик в логотипе «Лунара» на тестовый опрос отвечал только зашифрованным набором символов. Это было возможно только в случае, если он терял связь с сервером хозяина. Тогда происходила его автоматическая инкапсуляция, защищающая датчик от враждебных атак. И еще можно было без труда прочитать, кому принадлежит меченый клон.

– Что за чертовщина? – Сантана поднял очки на лоб. – Тебя нет в базе пропавших клонов, малышка! Эй, как там ее датчик?

– Мертвый. А вот импланты работают, но независимо от наших с тобой действий.

– Что ж, вот у нас и свой шпион появился, – сказал Сантана, отключаясь от компьютера. – Эй, кто там за ниточки дергает? Мы ничего противозаконного не делаем, невидимый друг, соображаешь?

Ия смотрела на него, не понимая смысла сказанного, и Сантана махнул рукой. Если даже Ия и могла управлять внешними сигналами, то полную картину того, что происходит в Цехе, ее хозяин вряд ли смог бы получить. Но если, к примеру, он разбирал слова «термитов» и ориентировался в пространстве, то это указывало на то, что кто-то решил вышвырнуть деньги на ветер, внедряя стукача в незначительную местечковую группировку, на разоблачении которой не сделаешь карьеры и не повысишь профессиональный престиж...

Обычно сетевые копы подбрасывают кого-нибудь с аудио- и видеозучками и стряпают нелепую историю – в пределах своей небогатой фантазии. Такая работа по внедрению была грубой и уже давно не приносила Сетевой Полиции результатов. От подобной тактики уже отказались. Сантана, раньше служивший в Сетевой, кое-что знал об этом.

Выходит, здесь что-то другое.

– Что ж, дело посерьезнее, чем я думал, – произнес Сантана и, наконец, покинул кровать. Пришла пора подключить более продвинутые средства. – Ну, Шуруп, если ты нас подставил и это лазутчица...

Племянник опустил голову и опять схватил подвернувшуюся под руку искусственную кошку.

– Я гуляла с хозяйкой по большому семиэтажному магазину, – заговорила Ия. – Там было светло и тепло, играла радостная музыка. Потом я потеряла зрение – на время... Вокруг стало темно. Прошло всего три минуты и двадцать шесть секунд, прежде чем я очнулась, а хозяйки рядом не было. Я стала искать ее, но людей и клонов в магазине было так много, и они ходили так быстро... И сигнала пойти в нужном направлении я не получала. Мне стало так страшно, что я стала кричать имя хозяйки, побежала и очутилась за пределами здания, под открытым небом.

– Угу, – пробормотал Сантана. – Валяй дальше. – Слушал он невнимательно, предпочитая возиться с настройкой программы и подключением к ней сканера, которым до того пользовался племянник.

Шуруп слушал рассказ гостя, стараясь найти в нем логику или ошибки, и, увлекшись, стиснул шею Куси под неправильным углом. Кошка пискнула, вырвалась из его руки и бросилась бежать. Сантана толкнул племянника локтем:

– Очнись...

– Ага. – Шуруп мигнул, разглядывая девушку.

– Не могу расшифровать сигналы, – признался Сантана. – Ну-ка, красавица, подними руку.

Он снова сравнил эхо от импланта со стандартным волновым пакетом, отвечающим усилию плечевых мышц. Общего между ними ничего не было.

– Может, она радио ловит? – хмыкнул Шуруп.

– Черт его разберет... Я не могу выделить мой звуковой приказ из электронного шума, и внятная команда на импланты тоже не предшествует действиям ее тела. Такое впечатление, что импланты работают локально – то есть просто фонят, а она слушается меня непосредственно. Кстати, насчет радио...

Он вывел на монитор развертки сразу нескольких, самых мощных станций, и после автоматического сравнения оказалось, что электромагнитные шумы от имплантов почти идеально

раскладываются на радиосигналы. В остатке был незначительный шум, и почти наверняка он представлял собой смесь прочих сигналов, которыми под завязку забит эфир.

– Шуруп, ты гений! – сказал Сантана. – Твоя новая подруга – ходячий радиоприемник. Представляю, как ей было бы худо, если бы импланты реально передавали в мозги всю эту муть.

– Значит, ею никто не управляет?

– Сейчас – нет. Но в будущем... Исключить это нельзя, малыш. – Сантана отложил сканер и склонился над девушкой. – Знаешь, а ты совершил не такую уж глупость, когда посадил ее на байк.

– ...Все очень просто. Мы можем преспокойно срубить на этом сотню-другую евро... Для этого и надо-то связаться с «Лунаром» и заявить, что Ия, или как там ее зовут по-настоящему, находится у нас, мы ее нашли и хотим честно вернуть... По закону корпорация обязана платить деньги. Это их собственность. – Сантана указал пальцем на Ию, сидящую на стуле.

– Но она не объявлена в розыск, данных в Сети нет. Сам говорил, – сказал Шуруп.

– Не имеет значения. Нет сейчас – появятся завтра. Вероятно, не успели подать заявку. Точнее, выходит, ее хозяйка не очень торопится воссоединиться со своей дражайшей прислугой. Так? – Сантана уставился на девушку. Та повела плечами и опустила взгляд. – В любом случае, факт есть факт – у нас на руках сбежавший клон.

Шуруп покачал головой.

– Да ты пойми. Пока датчик в ее логотипе не ожил, нам надо от нее избавиться. Мне не нужны неприятности – я отвечаю за все, что здесь происходит. В частности, и за тебя, – продолжал Сантана. – Если сюда прикатят «пинболы» с шумом и гамом, денег нам не видать как своих ушей. Они все возьмут себе, а нам... сейчас за нами ничего нет, но кто знает, не захочется ли им осложнить нам существование... Да и потом: я не представляю себе ее в нашей группе. Какой прок от нее? Ия, что ты умеешь делать?

– Обмывать тело, массаж, смешивать коктейли, стричь и завивать собак, включать и выключать визор...

– Отличный набор. И этим ты в «Лунаре» занималась? Прямо в офисе? Или у какой-то там хозяйки, которая забыла тебя в магазине?

Сантана достал ментоловые сигареты, закурил.

– У меня живот болит, – пожаловалась Ия. – Не отдавайте меня обратно, пожалуйста.

– Шуруп, тащи ужин. Там еще лапша оставалась, кажется.

Пока племянник разогревал воду и выгребал из холодильника и кухонного шкафа на первом этаже все самое свежее, Сантана думал. Ситуация казалась ему прозрачной. Очевидно, в локальной сети корпорации произошел кратковременный сбой – какой-нибудь террорист-любитель хакнул точку вай-фай в магазине – и датчик девчонки инкапсулировался. Импланты могли целиком ее дезориентировать – отключить на время мозг некорректным сигналом к примеру. Последствиями такого сбоя и могла быть эмоциональная заторможенность Ии и этот невнятный детский лепет.

– Так ты домашний клон?

– Моя хозяйка раньше занимала крупный пост в «Лунаре», а когда вышла на пенсию, компания подарила ей меня.

– Ишь ты. Придется тебя вернуть. Деньжата нам не помешают.

– Не надо меня возвращать... Пожалуйста.

Ия встала и уселась на диван рядом с Сантаной. Он посмотрел в ее неумытое лицо, кукольное, почти детское, и пожал плечами. Несмотря на заторможенность и замедленную реакцию, девчонка соображает, что сейчас лучше всего надавить на жалость. Клон не клон, а чисто по-женски чувствует, как себя вести.

– Не надо меня возвращать...

– А зачем ты нам, дурочка? Твое место в теплой спальне, под пальмой. Или в джакузи намыливающей господина. Я не смогу обеспечить тебе таких условий, и знаний у тебя полезных нет. Вообще-то, и спать мне с тобой не хочется. Пока во всяком случае.

– У вас нет свободных мест?

– Я не про то... Э-э... Секс, знаешь, что это такое? – Сантана крикнул. Девственница попала, поди...

– Особь женского пола, женщина... – сказала Ия.

– Значит, сексом никогда не занималась?

– Нет.

Сантана хмыкнул и почесал затылок. На всякий случай он встал с дивана и отошел в угол.

Шуруп явился с полным подносом. Первым делом он вручил Ие чашку с настоящей китайской лапшой и толстый ломоть подсохшего черного хлеба. Девушка повертела его в руке, пошевелила ложкой в одноразовой глубокой тарелке и улыбнулась. Ничего не поняла...

За это время Шуруп с Сантаной уже успели умять по половине своих порций, запивая их крепким белковым бульоном.

– А девица не только сдвинутая, но и... девственница, представь себе. И вообще – крышу у нее оторвало неслабо. На еду смотрит как в первый раз. Ну, цепляй вилкой!

Ия посмотрела, как Шуруп и Сантана уплетают длинные разваренные макароны, и попробовала сделать то же самое. Проглотив комок макарон, ждала, что будет.

– Откуда ты знаешь, что она девственница? – спросил Шуруп.

– Вопрос – ответ. Не лично же проверил. Слово «секс» слышит впервые. Тупой клон.

Ия замотала головой:

– Я не тупая, просто неопытная.

– Ну-ну.

– По-моему, Ию не следует трогать, – заметил Шуруп.

– Никто и не собирается. Вернем хозяйке в лучшем виде, как будто из упаковки вынутую.

– Я не вернусь к хозяйке, лучше убейте меня. Она заставляла меня увлажнять ее жирное тело вонючими мазями, гулять с ее собачками и таскать коробки в магазинах.

– Да, это невыносимо тяжкие обязанности, – кивнул Сантана с ухмылкой. – Хорошо, завтра утром все будут в сборе, и мы обсудим твою проблему. Как «термиты» решат, так и поступим. Шуруп, организуй подруге лежбище, а меня прошу больше сегодня не грузить...

Он вновь раскрыл Нуна и углубился в чтение, а Шуруп повел гостью вниз. Там она ознакомилась с устройством мусорного бачка, в который научилась бросать пластиковую посуду, и тут же пожаловалась, что у нее внизу живота возникла неприятная резь. Шуруп не сразу взял в толк, о чем речь, но потом повел ее в туалет.

Резь внизу живота, подумал он. Кого я сюда приволок?..

– Вот, это женский. – Шуруп толкнул дверь и включил лампу под потолком.

– Что это? – заинтересовалась Ия. – Моя комната?

– Это сортир, а не комната... Ты что, разве не это имела в виду, когда... ну, про резь сказала?

– Болит, да, словно что-то наружу просится.

– С ума сойти, – выдохнул Шуруп. – В общем, так... Садись на эту... подставку, унитаз называется. Только панталоны сначала спусти!

– Как? За что потянуть?

Пришлось Шурупу показать Ие, как расстегивать панталоны и правильно садиться на стульчак. Ничем подобным ему заниматься еще не приходилось.

– Вот бумага, потом подотрешь и сполоснешь водой из-под крана, – покраснев, сказал он. – Ия, я ничего не понимаю. Ты издеваешься надо мной, что ли? Предупреждаю, что спать

с тобой я не буду. Сантана запретил – и он прав. Все, занимайся своими делами, а я за дверью пока подожду.

– Какими делами? Мне холодно. Я не хочу быть одна!

– Да своими делами, и побыстрее... Ну!

– Не понимаю, ты уходишь?.. – Лицо Ии исказилось, будто она хотела заплакать. – Я тебе не нравлюсь?

Шуруп схватился за голову.

– Расслабься насколько сможешь, а я сейчас Гумми позову. Только не слезай с унитаза!

Он выскочил за дверь и побежал за толстушкой. Гумми по-прежнему валялась перед визором. Теперь она пила пиво.

– Ия застряла в туалете, помоги ей, пожалуйста, – сказал Шуруп. – Или произойдет катастрофа!

Гумми посмотрела на него, словно видела впервые, и без слов отправилась выполнять просьбу. Шуруп взял ее полупустую банку и сделал два глотка. Пиво успело выдохнуться и стать теплым.

– Говорю тебе, это кадр из Сетевой Полиции, – пробормотал Гангрена, которого отвлек от дремы визит Шурупа. Док поднял растрепанную голову. Глаза его налились кровью. – И Гумми тоже так считает. Подловить нас хочет или на дело раскрутить, а потом сдать.

– Ты бы сейчас ее видел, – отозвался Шуруп. Гангрена махнул рукой.

Док впал в очередное сумрачное состояние, близкое к депрессии. Скоро он начнет стонать и ныть и заниматься самобичеванием, доводя окружающих до белого каления. Сейчас он все видел в черном свете, но его подозрения, по мнению Шурупа, все-таки были небеспочвенны. Им ничего о ней не известно, кроме бессвязных фактов, выдуманных, видимо, ею самой. Пусть сейчас Ия не на связи с полицией, но в любую секунду сетевики могут оживить ее датчик и наладить коннект с черепными имплантами. И какие при этом она получит команды, можно только предполагать.

Шуруп подумал о завтрашнем собрании и о возможном вердикте «термитов». Ожидать положительного решения не приходится. Слово Гангрены и Гумми кое-что да значит – насчет других пока вообще ничего не известно.

С собой Шуруп еще не определился... Сбежавший клон – не самый лучший подарок для нелегалов.

2

19 марта (1)

Часто ей снились сны об умирающем мире – том, который она уничтожила по своему желанию. Она стерла его из реальности раз и навсегда, оставив у себя часть воспоминаний, чтобы насладиться тем, что в нем было хорошего, в последние секунды собственной жизни.

Она знала, насколько сильна, каков на самом деле ее потенциал, спрятанный в уродливой оболочке, неспособной к адекватной биологической жизни. Внутри нее заключен ящик Пандоры – стоит только повернуть ключик, как произойдет катастрофа...

От сознания того, что все, буквально все зависит от нее, становилось тепло и комфортно, однако мысли о смерти не давали ей покоя. Последний шаг требовал определенных усилий – необходимо было преодолеть некий барьер, перешагнуть через страх перед небытием. Ей не хотелось исчезать навсегда, но ее чувства к миру за пределами искусственной тюрьмы были далеко не дружественными.

Дилемма казалась неразрешимой. Если она обрушит всю виртуальную вселенную, то погибнет сама. С другой стороны, мир, где обитают здоровые, красивые люди, вызывает в ней дикую ненависть...

В этом заключалась высшая несправедливость. Люди ходят, дышат воздухом, спят, занимаются сексом, едят, проводят многие часы в Сети – словом, все у них идет своим чередом. Они разделены, их отношения противоречивы и нестройны, а чувства хаотичны, и, тем не менее, в сравнении с ней они – счастливые существа. У них есть минимальная свобода выбора – жить или нет. У нее же только жалкая необходимость существовать.

Она – больной ребенок, страшное и при этом жалкое существо, смотрящее на реальность сквозь виртуальную среду. Нечто с IQ, который превышает все мыслимые значения.

Тэна Адассис, существо, не способное жить без аппаратов. Она плавает внутри стеклянного пузыря, заполненного физраствором.

Всегда одно и то же состояние. Тэна не знает, что такое самые простые человеческие движения. Как вытянуть руки и ноги... как понежиться утром в теплой постели, минут тридцать просто глядя в потолок... как выйти на прогулку в парк, чтобы подышать чистым воздухом... Само понятие гравитации так и остается для нее чем-то мало постижимым, абстрактным. Тэна училась – наблюдая, слушая, повторяя. Мыслительный процесс заменил ей все иные, заботу о которых взяли на себя компьютеры.

Она подключена к аппаратуре поддержания жизни с самого рождения. Руки прижаты к груди, а ноги согнуты. Машины властны над ее беспомощным телом, а ее интеллект над ними – и об этом не знает никто. Ни отец, ни суетливые медики, следящие за состоянием сферы.

Умение манипулировать своими надзирателями было ее скрытым оружием, она тренировалась брать власть над электроникой именно на своем комплексе жизнеобеспечения. Потом стала осваиваться в виртуальной реальности. Теперь ей было подвластно все.

За несколько минут Тэна могла уничтожить цивилизацию – никаких сомнений...

Обычное утро, смоделированное программой, стандартная процедура.

Реальное астрономическое время не имеет к этому никакого отношения. Существо в стеклянной сфере лучше знает, когда спать, а когда бодрствовать. И все-таки она придерживается некой системы, что вносит в бытие определенную логику. Даже у такого чудовища есть свои приоритеты и желания.

Итак, просыпаясь, она принимает через катетеры тщательно дозированные порции витаминов, углеводов и белков, а потом ищет способ убить время. В этом ей может помочь только

Сеть. Собственно, она и «жива» только благодаря ей. Сначала ее поддерживали в самом юном возрасте суггестивные программы и стимулирующие мозговую активность ритмы, а позже Тэна научилась воспринимать Сеть визуально.

Несколько операций по вживлению имплантов окончательно сформировали ее разум – отец не пожалел средств на это, испытывая боль и одновременно удовольствие от созерцания своего единственного отпрыска.

Сейчас Тэна понимает, что если отключится от Сети, то сойдет с ума, сделается куском дегенеративной плоти, плавающей в питательной среде.

И снова, снова, снова мысли о смерти и власти, неразрешимая проблема выбора между желанием разрушить мир «нормальных» и просто жить.

Есть ли какой-нибудь иной способ? Например, переселиться в другое тело, сделать из себя нечто принципиально отличное от того, что есть сейчас?

Эта мысль посещает ее сегодня после пробуждения.

Сеть принимает свою самую большую поклонницу в объятия, убаюкивает, дает утешение. Начинается новый день, где виртуальная реальность – вновь как поле битвы за выживание.

Тэна помнит сотни тысяч веб-адресов, ссылок, помнит все постинги, которые когда-либо оставляла на форумах, ники своих друзей и врагов. Ей известны все тайные сообщества, нелегальные ресурсы и лазейки, неведомые самым прожженным хакерам. Так она и живет изо дня в день, убивая время, засыпая и просыпаясь. Ее многочисленные медиа, живущие в Сети, создают впечатление, что они принадлежат нормальным женщинам. Этим Тэна нарушает закон. У нее сотни сетевых имен и образов – и ни один не воплощает ее истинный характер. В этом особое удовольствие – конструировать виртуальных привидений, не похожих одно на другое, конструировать и управлять ими.

Тэна уже подходит вплотную к своей новой проблеме. Смысл таков – чтобы жить по-настоящему, надо измениться. Надо отыскать способ не быть чудовищем внутри стеклянной сферы.

Не быть чудовищем...

Есть над чем поразмыслить.

Она чувствует, как возвращается к жизни ее отец. В его покоях начинается привычное движение. Девушки-клоны, выполняющие роль няnek (а никого другого старый магнат не хочет видеть возле себя), готовят нужные процедуры. Процесс контролирует программа системы жизнеобеспечения на домашнем сервере. В ее обязанности входит коррекция действий няnek в случае сбоя в их коллективной деятельности. В целом клоны достаточно разумны, чтобы действовать самостоятельно. Их десять, и каждая знает, что ей нужно делать. Как всякие рабочие клоны, они послушны и имеют низкий порог волевого усилия. Проще говоря, генная настройка еще в эмбриональном состоянии сделала их покладистыми и способными выполнять такую работу, за которую не взялся бы самодостаточный в психическом отношении человек.

Тэна решает понаблюдать за тем, что происходит в спальне отца. Именно мысль о девушках-клонах заставляет ее подключиться к камерам, всюду натканным в помещении, где стоит большая двуспальная кровать бывшего всемогущего босса корпорации «Лунар».

В эти минуты Маркус Адассис уже сидит на матрасе. Из своей комнаты, из глубины сферы Тэна взирает на него глазами, заключенными в сетевые линзы. Наезд – и вся тщедушная высохшая фигура некогда атлетичного здорового человека становится огромной. Зрелище отвратительное. Старик, раздетый по пояс, сидит сторбившись, являя миру череду позвонков на изогнутой спине. Из его головы от нейровхода тянется кабель, соединенный с компьютером. К носу протянута трубка подачи кислорода. Кожные контакты облепляют тело, постоянно передавая машинам данные о состоянии его нервной, кровяной, гуморальной систем, записывая сердечные ритмы и мозговую активность. Периодически впрыскиваемые препараты с «рас-

творенными» в них нанороботами вычищают из клеток мертвый биоматериал, стимулируют обмен белков и утилизацию глюкозы в мозговых тканях. Это происходит дважды в неделю.

Существуют и «нестандартные» процедуры, более редкие и серьезные. Обновление клеток печени, постепенная замена мышечной массы сердца на новую, активную, состоящую наполовину из синтетических материалов. Адассис не может говорить, за него это делают машины. В его голосовые связки вшиты микродатчики, улавливающие слабые нервные импульсы. Адассис говорит приятным голосом, смоделированным программой, и можно подумать, что ему лет пятьдесят, хотя на самом деле он почти втрое старше. Его глаза могут видеть только благодаря программной стимуляции глазных нервов, так что создается полное впечатление, что у старика со зрением все в порядке.

Тэна смотрит на отца одновременно с нескольких точек. Несмотря на ухищрения медицины, кожа его дряблая, потемневшая, покрытая пятнами. Специалисты по биоинженерии и генному тюнингу говорят, что жизненный потенциал Адассиса постепенно сходит на нет. Они будут продлевать его существование так долго, как будут способны, но они не боги. Медицина не даст Адассису бессмертия, он и так прожил почти сто пятьдесят лет.

Тэна думает, что старик жалок в своих попытках перехитрить время. Каждый раз, когда оно вновь догоняет Маркуса, удар получается сильнее предыдущего. Существо видит изменения. Отец сдает. После каждой процедуры он бывает энергичным и полным сил все меньшее количество времени. Скоро он превратится в скелет, развалину, не способную сказать ни слова даже со всеми этими механизмами.

Клоны не спеша делают свое дело. Тэне даже нравится за ними наблюдать. Она наслаждается этой поэзией упадка и умирания. Две девушки раздевают его целиком, чтобы вновь одеть в нежную бумажную одежду – брюки и куртку на пуговицах. Все это время, пока клоны работают, Адассис молчит и не предпринимает никаких собственных действий. Он похож на сломанную марионетку с оборвавшимися ниточками. Надо было прожить полтора века, чтобы стать таким. Это стоит определенных усилий и большого капитала – превратиться в нечеловека.

Голову старика обрамляют седые жидкие волосы. Врачи ничего не стали делать с ними. Адассис почти десять лет не появляется на людях, поэтому хорошая внешность ему ни к чему. К тому же любая косметическая процедура отняла бы у него много сил, а их в его положении необходимо экономить всеми возможными способами.

Тэна видит, как начинает трястись его голова, и испытывает некое злорадное удовольствие. Уродливые губы слегка двигаются, но, конечно, не могут изобразить полновесную улыбку. В рот ей вставлен многофункциональный катетер, трубки которого тянутся к желудку, легким и другим органам. Тем не менее она улыбается. Как-то раз на одном форуме Тэна живописала страдания распадающегося человека, выложила картинку во всех подробностях и снабдила снимками наиболее отвратительного содержания. Это повергло участников форума в шок, но потом снимки разошлись в Сети. Отец даже не знает, что стал объектом обсуждения и предметом вождения неких мифических извращенцев, которых слишком много в виртуальном пространстве. Существо унижает его, а он даже не знает об этом. Не то чтобы он был глуп. Благодаря всяческим процедурам, его мозг функционирует на уровне семидесятилетнего человека, но Адассис потерял ряд существенных умений – например, выстраивать ассоциативные ряды и фантазировать. О чем он на самом деле думает, существо не знает, но его многозначительное молчание – это, конечно, не философская житейская недосказанность, а просто плохая проходимость сигнала. Он лишен воображения, в его мире все конкретно. Сейчас он озабочен тем, чтобы опорожнить кишечник и мочевой пузырь. Клоны подсоединяют к его катетерам трубки, и аппараты выкачивают из организма все излишки. Приходят еще два клона. Они привезли кресло на колесах. Значит, старик поедет на прогулку во двор. Но перед этим – завтрак.

Адассис сидит в кресле. Теперь кабель не нужен, старик общается со своим компьютером дистанционно. Нательные устройства тоже переключены в беспроводной режим. Девушка-клон укрывает старика клетчатым толстым пледом, оставляя открытой лишь голову, и везет в столовую. Адассис улыбается. Тэна догадывается, что ему хорошо. Блестящие линзы смотрят в пустоту. Наверное, старик грезит наяву, потому что к Сети он пока не подключен.

В столовой длинный стол, блестящий полировкой, на котором стоят золотые канделябры. Высокие окна и тяжелые темно-красные шторы с золотыми шнурами. Огромный малахитовый камин и зеркало над ним величиной с гаражные ворота. Адассис придерживается классического стиля, ему нравится думать, что он принадлежит к последним представителям аристократии, но это, разумеется, бред упадочного рассудка. Он вышел из грязных низов, сам продукт дегенеративной наследственности, внешне здоровый, но изнутри – кладезь генетических пороков. Как многие ему подобные, деньги он считал индульгенцией, оправданием своего существования и даже великим достижением, внесшим вклад в развитие цивилизации.

Тэна следит за отцом, в то время как ее медиа живут на просторах Сети, занимаясь какими-то своими делами. Некоторые из них на девяносто восемь процентов автономны, это уже вполне сформировавшиеся искусственные интеллекты. Существо испытывает к ним почти материнские чувства.

Отца подвозят к столу и приспускают плед, чтобы он мог есть собственными руками. Перед ним на подносе его завтрак. Жидкая овсянка, обогащенная питательными веществами, высокий стакан сока, насыщенный витаминами, и слегка поджаренный тост из недрожевого хлеба. Две девушки стоят позади Адассиса, а двое слуг в отдалении, возле дверей. В столовой молчание. Старик медленно берет ложку и начинает есть. Адассис делает это медленно, забрасывая кашу себе в рот так, словно он ребенок, ничего еще не умеющий. Тэна слышит его чавканье. Каша течет у Адассиса по подбородку и падает на плед. Клоны, привычные ко всему и не испытывающие таких эмоциональных проблем, как натуральные люди, ловко и почти незаметно для старика убирают потеки.

Адассис горд тем, что может поднять стакан с соком самостоятельно. Он пьет, проливая половину. Сто лет назад у него была подкорректированная хирургией атлетическая фигура, большая мышечная масса. Пластика лица сделала из него бога. Он был звездой, образцом для подражания. Теперь его достижение – удержать стакан сока. Влага льется ему в горло. Старик шумно глотает. Даже у Тэны этот звук вызывает омерзение.

Наконец бывший властелин финансово-промышленной империи сыт. Адассис впервые произносит слово с того момента, как проснулся:

– Везите во двор. Хочу подышать воздухом.

Коляска бесшумно катится по ковровым дорожкам. Тэна спрашивает себя, сколько же лет еще будет повторяться одно и то же. Думает ли отец о смерти? Мечтает ли о ней? Боится ее?

Клоны везут Маркуса Адассиса через пустой особняк на улицу. Задерживаются у главного входа – больших двустворчатых дверей, чтобы надеть на старика шапочку. Сейчас ранняя весна и довольно холодно. На небе тучи, серый свет заполняет пространство. Парковые деревья стоят по-прежнему голые, черные и похожи на некие абстрактные скульптуры из проволоки.

Вороны, верные себе, приветствуют появление хозяина особняка многоголосым карканьем. Одна птица срывается с ветки, подавая пример остальным, и вся стая начинает кружить над парком. Воронья рапсодия бьет по нервам.

Старик наблюдает за этой картиной с крыльца.

– Почему вороны еще здесь? Я же приказал сделать что-нибудь, чтобы их не было.

Смоделированный голос вполне реалистично передает эмоции. Смятение и страх. Губы у Адассиса ходят ходуном.

– Вчера был сделан запрос в санитарную службу, – произносит одна из девушек. – Нам обещают, что птицами займутся сегодня.

– Негодяи, – говорит Адассис. – Неужели так трудно сразу выполнить мой приказ?

– От нас это не зависит, господин Адассис. Они говорят, что весной в городе слишком много грязи. Не успевают локализовывать эпидемии.

Старик так резко поворачивает голову к девушке, что кажется, что шейные позвонки должны непременно сломаться.

– Не зависит? А что от вас зависит? Куски мяса! С каких это пор не деньги правят миром, а чиновники?

Клоны бесстрастны. Одна из них толкает кресло по наклонному пандусу, в то время как старик сыплет бранью. Он повторяется. Ему не хватает фантазии. Много-много лет назад Маркус знал такие выражения, что заставили бы покраснеть и киберсобаку. Теперь его ругань – всего лишь лепет рассерженного ребенка, не умеющего толком оскорбить. Существо видит, как старик начинает плакать от собственного бессилия. Слез нет, потому что глаз как таковых не существует. Все лишнее давно удалено. Этот стариковский плач похож на покашливание и сопение во сне – непосвященный не смог бы понять, что происходит.

Кресло съезжает с крыльца и останавливается. В руке у одной из клонов появляется инжектор с дозой транквилизатора. Хозяин чересчур возбужден, а это для него вредно. Под аккомпанемент вороньего карканья Адассису впрыскивают препарат. Спустя десять секунд на губах старика вновь возникает улыбка, его депрессия улетучивается. Даже воронья стая, кружащая над деревьями, не кажется такой жуткой и тревожащей, как раньше.

Тэна подключается к отцовским глазам, о чем не знает даже его компьютер, и видит, как перед ней покачивается парковая дорожка, выложенная мраморными плитами. Кое-где валяются плохо убранные прошлогодние листья. Взгляд натывается на дохлую ворону. Она лежит у края дорожки, подняв лапы кверху и воткнув в небо клюв. Старик никак не реагирует на птичий труп.

Тэна оставляет зрение отца и подключается к его компьютеру. Адассис воспринимает ее голос.

– Ты слышишь меня?

– Слышу, – отвечает он. – Ты уже обо мне не вспоминаешь?

– Почему же? Я постоянно рядом. Ближе, чем ты привык думать.

– Я знаю, что ты подглядываешь.

– Ну и что? – Молчание. – Я хотела тебя спросить: что бы ты сделал, чтобы не быть в своем теле? Чтобы начать новую жизнь...

– Я не понимаю. – Адассис склоняет голову.

– Ты умираешь. Медленно, но верно. Ты бы хотел продлить себе жизнь? Измениться?

– Я и так это делаю. – Слова еле различимы, но Тэна все слышит через локальную сеть.

– Нет. Ты продлеваешь агонию, а внутри тебя все равно происходит распад. Я говорю о качественно ином существовании, отец. О другом теле, о другой жизни.

Девушка-клон, толкающая коляску, поворачивает привычным маршрутом налево, к пруду в центре парка.

– Я бы пошел на все. Это же ясно, и твой вопрос не имеет смысла, – говорит Адассис.

– Но готов ли ты психологически?

– К черту психологию. Дайте мне иное тело, здоровое, молодое, и я покажу вам, как надо жить, – не сомневайтесь!

Существо молчит. Воронья стая наконец затихла.

– Я смотрела твои файлы из прошлого. Ты был самонадеян. Ты и вправду думал, что знаешь о жизни все?

– Мне сто пятьдесят лет!

– Дело не в возрасте, – сказала Тэна. – Дело в умении употребить свои преимущества. Что ты мог со своим богатством? Прожигать жизнь? Время от времени омолаживаться, чтобы потом понять, что природа все равно возьмет свое и ты начнешь стареть? Ты говоришь, что показал бы всем, что значит жить... Я понимаю так: ты бы повторил все сначала...

Старик собирается с мыслями. Невзирая на седативный наркотик, он на удивление быстр в своей логике.

– Я бы все отдал за стакан красного вермута или портвейна. За сигару. За хорошее ширево. За любую, самую заваливающую шлюху. Куда тебе это понять!

Тэна смеется, старик это чувствует. Внутренним зрением он замечает перед собой ухмыляющуюся физиономию.

– Что тут смешного? – возмущается он.

– Ты жалок, отец. Ты червь, которому нужны для счастья только питательные вещества. Твоя модель счастья мне ясна. Таким, как ты, нужно умирать как можно быстрее.

Коляска подъезжает к гранитной ограде сухого пруда. Здесь повсюду запустение. Скамьи грязные, беседка покрыта слоем пыли. Крыша в одном месте обвалилась под грузом времени.

Старик, вне себя от возмущения, слышит, как его сердце пропускает удары. Но он бессилен. Его руки на подлокотниках кресла сжимаются в кулаки.

Тэна исчезает, и он ничего не может ответить. Девушка-клон делает хозяину еще одну инъекцию. Уровень возбуждения Адассиса непозволительно высок. Клоны действуют согласно инструкциям. Старик ощущает потребность в глубоком сне.

На свежем воздухе спится просто отлично.

Тэна наблюдает за действиями клонов. Они стоят рядом с коляской, а потом меняются ролями. Та, что толкала, теперь идет сзади. Ее роль берет на себя другая. Существо внимательно смотрит на нее. Наезд. Голова близко, в профиль. Красивое лицо, вполне заслуживающее доверия.

Мозг существа работает в усиленном режиме. Он обрабатывает информацию и принимает решение.

3

20 марта (0)

Проснулся Шуруп от негромкого и жалобного мяуканья, доносившегося из-под кровати. Через закопченное окно бывшего гардероба, где она устроил себе лежбище, лился серый свет, по стеклу сбегали извилистые струйки дождя. Капли барабанили по ржавому жестяному карнизу.

– Черт, Куся, полежи пока молча...

Похоже, кошка разрядилась, а интеллектуальный контур подзарядки опять глюкнул. С ней из-за старости такое происходило регулярно. Ходит вокруг розетки, а, что с ней делать и зачем нужна встроенная в хвост сетевая вилка, сообразить не может. Старческий маразм.

Шуруп попытался заснуть, но ничего не выходило. Кошка продолжала пищать. Двигаться, очевидно, уже не могла. Шуруп вылез на морозный воздух, наскоро размял мышцы и оделся, потом подхватил ослабшее животное и отнес к розетке. Подключил к электричеству. Кошка замурлыкала.

– Вот и умница. Теперь спи.

– Только энергию жрет, – сказал от двери Ромео.

Несмотря на загульную ночь, выглядел он, как всегда, идеально – с точки зрения прочих «термитов», разумеется. Узкие меховые штаны и куртка пузырями, крупные сетевые очки в золотой оправе и длинный чубчик из тонких волос-антенн для усиления сигнала. Лицом Ромео напоминал персонажа анимэ – треугольный подбородок, выраженная форма носа, вытянутые глубокие глаза.

Шуруп порой завидовал ему: такой неестественный прикид привлекал особей женского пола лучше всего.

– Кусю не трожь.

– Дешевка! Сантана говорит, ты вторичную привез... Красивая? Никогда с клонами не спал...

– Она девственница.

– Стильно! Пожалел, что ли? – Он кивнул на пустую кровать Шурупа.

– Сантана запретил, продать ее хочет.

Ромео покачал головой и вышел.

Шуруп привел себя в порядок и выбрался в общий зал. Оказалось, он встал едва не позже всех. «Термиты» собирались за большим столом в центре. Сантана курил ментоловые сигареты и поглядывал на племянника. Может, готовил разбор полетов... Не было пока Ии и Гумми.

Ночью Кэмел приволокла откуда-то целый мешок ресторанной жратвы. Наверное, зацепила одного из своих многочисленных дружков, которых у нее на каждом шагу было пруд пруди. Шуруп занялся делом и затолкал в микроволновку все, что подлежало разогреванию. В желудке у него урчало.

Появилась толстуха.

– Э, Гумми, где наша новая красотка? – спросил Сантана. – Спит, что ли?

– К-как же, спит... – проворчала Гумми. Лицо у нее припухло от вчерашнего пива. – Уперлась и зенки т-тарашит, к-как с луны свалилась.

– Веди, не надо оставлять ее без присмотра...

– Вон п-пусть Шуруп сходит и п-приведет, а я жрать хочу. Я и т-так с ней вчера намучилась. Сам к-кашу заварил, а мне отдуваться.

Сантана поглядел на племянника, и тот прямо с тарелкой, полной мятых бутербродов, отправился в старую душевую, где Гумми занимала угол. Кафель толстуха давно оторвала, заменив его веселыми тряпками, собранными на помойках.

Ия вжалась в угол и прикрывалась одной из них, словно собственной одежды ей было мало. Глаза – затравленные зверьки. Чужие – таких Шуруп вчера не видел.

Он сел на корточки перед девушкой и улыбнулся:

– Хочешь есть?

Девушка кивнула и облизнулась на бутерброд.

– Где я? Кто ты? Кто эта толстая женщина, с которой я лежала здесь? Вы меня похитили?

– Полная шиза, – покачал головой Шуруп и кивнул на выход. – Гляди, такой еды там полно, даже еще вкуснее. Пойдем. – Он впился зубами в хлеб с мясом и сыром и закатил глаза, замычал.

– Я должна быть с хозяином, – пожаловалась Ия, но привстала.

– Он тебя бросил, малышка. Теперь ты живешь с нами, пока... – Возвращать девчонку «Лунару» он не хотел, а потому решил промолчать. – Не бойся! Ты же только вчера говорила, что никуда не хочешь уходить.

– Мне нужно в туалет.

– Опять!..

Он снова проводил Ию в уборную, но на этот раз затруднений у нее, очевидно, не возникло, хотя она и пожаловалась затем, что без личной зубной щетки и полотенца жить невозможно. Обстановка Цеха поражала и угнетала ее. Кажется, со вчерашнего вечера она успела обо всем позабыть. Об обследовании, о разговоре с Сантаной... о том, как просила оставить ее здесь.

– «Лунар» не может бросить меня, потому что я умелая и красивая, – заявила Ия по дороге в зал. – Пожалуйста, отвезите меня обратно, где взяли. Я не смогу жить в этом доме и спать в одной кровати с этой женщиной.

– И часто ты свое мнение меняешь? – спросил Шуруп.

– У меня нет своего мнения, достаточно желания хозяина. А он сейчас наверняка хочет, чтобы я вернулась и покатала его по парку или передела.

– Что-то не пойму – вчера ты толковала о хозяйке, а сегодня уже о хозяине, – сказал Шуруп. – Определись.

Ия остановилась как только они обогнули старый ткацкий станок, возвышавшийся посреди Цеха словно некая антихудожественная инсталляция. Она смотрела на «термитов», сидящих за большим обеденным столом. Пестро, с претензией, но плохо одетые люди, развязные, шумные, неаккуратные. Их движения, создававшие впечатление принадлежности к какому-то многоголовому созданию, привели клона в ужас.

Девушка юркнула за широкую спину Шурупа и вцепилась в полы его куртки.

– Я боюсь... Они меня обидят, они злые. И громко говорят.

– Не трусь, никто тебя не обидит...

Шуруп подхватил Ию под руку и выволок упирающегося клона на открытое место. Не обращая внимания на воцарившееся в Цехе молчание и настороженные взгляды коллег, он подвел гостью к столу и усадил на свое место.

– Прошу знакомиться, – сказал он. – Ия, собственность корпорации «Лунар». Отбилась вчера от хозяйки. Я ее привез.

– Шуруп, у тебя весенний гон начался? – расхохоталась Кэмел. – Пришел бы сегодня ко мне, утешила.

Остальные поддержали ее смехом. Иногда Шурупу казалось, что здесь он нечто вроде клоуна.

Сантана шлепнул ладонью по столу:

– Так, давайте все помолчим! Пока наша милая гостья завтракает, я вкратце обрисую обстановку, как я ее понимаю...

Пока Шуруп помогал Ие освоиться и перекусить, Сантана рассказывал о том, что произошло вчера. Девушка тут же перестала обращать внимание на происходящее. Сосредоточилась на еде. Через пару минут клон уже улыбалась.

Длилось ее безмятежное состояние недолго. Если бы Шуруп не наблюдал за ней неотрывно, то внезапная перемена, случившаяся с Ией, осталась бы им незамеченной. Девушка замерла с полным ртом, потом ее плечи задрожали, по рукам пробежала судорога – и спустя секунду рядом с Шурупом сидела уже другая девушка. Переход из одного состояния в другое был стремительным. Движения Ии сделались угловатыми и неуверенными, черты лица заострились.

Кусок рыбного желе сорвался с ее вилки – гостья проследила его полет. Желе шлепнулось на бетонный пол.

– Простите... – сказала Ия. Она оглядела «термитов» и проглотила еду, что держала во рту. Обитатели Цеха переключились с Сантаны на нее в самый неподходящий момент. За куском желе на пол проследовала пластиковая вилка. – Кто вы?

– Уместный вопрос! – Сантана поднял руку, предотвращая шквал вопросов и замечаний. – Но я отвечу на него, только если команда примет решение оставить тебя в Цехе. «Термиты», высказывайтесь. Сначала ты, Шуруп.

– Куда ей идти... Пусть поживет пока. Могу в моем отсеке устроить лежанку.

– Где же еще! – воскликнула Кэмел, но под свирепым взглядом Сантаны девчонка с короткой прической сразу сникла.

– Докажи мне, Шуруп, – сказал он.

– Выгонять ее бессмысленно, погибнет или попадет в новое рабство. А если «Лунар» все-таки объявит ее в розыск, можно будет поиметь за Ию вознаграждение.

– Логично. Я так же думаю. Шварц!

Ия перевела взгляд на здорового типа, одетого в короткую куртку невероятного размера. В его лице было что-то знакомое. Мощная челюсть, ледяные голубые глаза, волосы ежиком. Его ладони напоминали два кирпича.

– Пусть проваливает откуда пришла, и так энергии на всех не хватает. Вот если бы она хоть что-нибудь умела, еще стоило подумать, а так вон и вилку-то поднять за собой не в состоянии. – Появилась на свет его улыбка – шириной, наверное, с ковш бульдозера.

– Значит, против. Сверло! – Сантана уже держал по одному загнутому пальцу на обеих руках, подсчитывая голоса.

– Что?.. Ты мне? По фиг, поступайте как хотите, – рассеянно отозвался хакер. Этот серый малозаметный тип еще несколько минут назад сыпал шуточками, а теперь сидел с сетевым интерфейсом на глазах, опустив плечи. Менее потасканный вариант Дока Гангрены.

– Нет уж, снимите очки и выскажитесь, «термит» ты или кто? – прошипела Кэмел.

– К тому же у меня всего две руки, так что «воздержание» не принимается, – улыбнулся Сантана.

Сверло со вздохом снял интерфейс и сфокусировал взгляд на гостье. Удалось ему это не с первой попытки, в его глазах еще гуляли виртуальные миражи.

– Тривиальный образ, ни малейшего уродства. Лично я обойдусь и без нее.

– Ромео!

– Пускай проваливает, босс, раз даже поиметь ее нельзя... Дешевка! Какая еще может быть от девки польза? – Хлыщ откинулся на спинку стула, скрестил ноги. Тонкие губы его изобразили зигзаг.

– Док!

Гангрена напоминал жабу, страдающую мигренью. Выпученные глазенки, вывернувшись губы.

– Гнать в три шеи, шпионка она полицейская.

– Я т-тоже т-так думаю, – поддержала Гангрону Гумми. Ее вчерашний недолгий приступ альтруизма прошел. – А если не шпионка, то нас накажут за укрывательство беглого к-клона.

– Ксант? – спросил Сантана, глядя на следующего хакера. С каждым ответом он все больше мрачнел, словно команда нарушала его замыслы.

Ксант, он из немногих, кто не создавал впечатления сумасшедшего, сбежавшего из-под присмотра.

– Лучше пусть останется, а я попробую расколоть ее импланты. Похоже, в них можно найти что-нибудь любопытное. Если она действительно ловит радиосигналы, это интересно. Мне такого раньше не встречалось.

– Я согласна, оставим ее – и будет мыть полы и окна, – выступила Кэмел. Самая молодая, она, по традиции, участвовала в голосовании последней. – И еду пусть готовит, опять же. А то надоело, все на меня свалили!

– Уж т-ты не напрягаешься! – протянула Гумми.

Кэмел выпустила коготки и попыталась передразнить толстушку, изобразив ее физиономию.

– Тихо! – рявкнул Сантана.

Он показал всем ладони с загнутыми пальцами: за изгнание Ии высказалось пятеро, за ее проживание в Цехе, хотя бы временное, – трое. Сантана как вожак «термитов» обладал двумя голосами, и от него теперь зависело многое. Думал он недолго:

– Я только что проверил открытый узел «пинболов», чтобы выяснить – ищут ее или нет. Так вот, выручить за Ию деньги пока невозможно, о ее пропаже еще не заявлено. Полагаю, это время придет. Глупо терять прибыль и при этом обречь девчонку на блуждания по улицам... Значит, голоса разделились поровну... Никто не передумал?

Шварц хрустнул суставами пальцев.

– Может, спросим ее саму? – прогудел здоровяк.

Шуруп посмотрел на Ию и подумал, что сейчас она опять станет ныть, чтобы ее отпустили, и нести всякую околесицу, наподобие вчерашней... Но она сказала:

– Я хотела бы остаться.

– Это понятно, но... Зачем? – с нажимом спросил Шварц.

– Я могу подвести вам в жилище бесплатный энергетический канал, вы сможете тратить сколько угодно электроэнергии. И никто ничего не заметит!

Ожидая реакции, она оглядела собравшихся. «Термиты» молчали. Заявление клона было настолько вызывающим, что ни у кого в первые секунды не находилось что сказать. Вторичное существо с явно ущербным, подредактированным под хозяйские нужды интеллектом обещает сделать то, на что способны лишь самые опытные ломатели. Домены термоядерных станций – едва ли не самые защищенные участки Сети, контроль и учет там на самом высоком уровне. Разбить многочисленные линии виртуальной обороны под силу только боевым вирусам, которые не так-то легко и отыскать на черном рынке. Среди хакеров ходили легенды о смельчаках, пытавшихся пробраться в информационные тайники станций. Защитные программы, действующие по принципу обратной связи, творили с ними такое, что и говорить об этом считалось дурным тоном. Тема смерти хакеров вообще была табуирована. Мифология сетевых «бунтовщиков» во многом строилась на суевериях и мифах. Невозможность взлома энергосистем была одним из таких мифов.

Предложение Ии показалось абсурдным даже самым смелым из обитателей Цеха.

– «Лунар», значит?... – проговорил Сверло. Оказалось, все это время он внимательно следил за разговором. – Ты его имеешь в виду?

Сверло смотрел на девушку, сжимая и разжимая тонкие узловатые пальцы, онемевшие от долгой возни с сетевыми меню.

Ия кивнула.

– Я нелегально подключу Цех к ближайшей распределительной станции, от которой питается ваше здание.

– Не здание, а Цех, – проворчала Гумми.

Хакеры зашумели. Предложение задевало их профессиональную гордость. Ия легко говорила о том, за что бы не взялся в здравом уме никто из них.

«Лунар» был одной из двух транснациональных корпораций, занимавшихся поставкой с Луны гелия-3. Более ста лет «Лунар» занимался добычей и транспортировкой этого топлива, постепенно запуская шупальца в энергетические сети Земли. На сегодняшний день корпорация владела крупными пакетами акций электрораспределительных консорциумов и всех термоядерных компаний.

«Лунар» не годился на роль мальчика для битья даже в шутку...

Сантане пришлось восстанавливать тишину.

– И каким же образом ты подключишься к каналу? – спросил он у девушки. – Видишь ли, еще никогда ни одна банда не могла похвастаться, что имеет дармовую энергию.

– Это просто, – сказала Ия. – Точнее, несколько проще, чем кажется со стороны.

Сантана скрестил руки на груди. Шуруп обменялся с ним взглядом: дескать, и сам ничего не понимаю.

– По-моему, она нам мозги пудрит, – сказал Шварц. – Ей просто надо здесь остаться, чтобы не жить на улице и не попрошайничать.

– Помолчи, – отозвалась Кэмел. – Дай ей с мыслями собраться.

– Дешевка, дурдом, – прогундосил Ромео. – По мне, так для единственного она и годится.

– Может, лучше сначала проверить? Вдруг справится?.. – спросил Сверло.

– Не гони, это еще обмозговать надо, – проговорил Ксант. – Может статься, у нее в черепе жучок, о котором она не знает. Раньше при помощи похожих подсадок многие группы погорели... не забыл?

Сантана молчал.

– Послушайте, – заговорил Шуруп. – Ия – клон. Я плохо знаю психологию клонов, но мне кажется, она не совсем отвечает за свои слова и поступки. Ия оторвалась от той среды, в которой привыкла жить и работать. Как бы ты себя чувствовал, Ксант? Да, она может врать, но неосознанно. Ее попытка придумать историю побега... ну, это может быть обычный страх. Мы тут как сборище монстров из игры... Да и ты сам говорил, что не прочь повозиться с ее имплантами.

– Мало ли что я говорил!..

Шуруп посмотрел на Сантану в поисках поддержки, но главарь пока придерживался нейтралитета.

– Я не вру, – сказала Ия. – У меня получится.

– Вот и надо проверить, – сказал Шуруп.

– Ты рехнулся, малыш, – заявил Шварц. – Подключить ее к нашей локалке? Да она моментом спалит нам здесь все. Может, у нее в черепушке полицейский вирус. Подключи – и заказывай катафалк...

Сантана наблюдал за Ией. Девушка избегала смотреть ему в глаза, делая вид, что слушает «термитов». Совсем не то, что вчерашним вечером: Ия не походила на испуганную безмозглую дурочку. Теперь метаморфоза ее была очевидна. Сантана видел самостоятельное существо, принимающее собственные решения. Возможно, она просто верит в свои фантазии, но с уверенностью судить об этом пока нельзя. Такое поверхностное знакомство ничего не давало.

Ксант поднял руку, чтобы прекратить перепалку:

– Может быть, она сама все объяснит?

Ия перевела взгляд на «термита» – и он ощутил странную, пугающую дрожь. Ее глаза, точно два сканера, прошлись по его фигуре. Где-то и когда-то он видел этот взгляд, теперь трудно вспомнить, где и при каких обстоятельствах. Ксант был уверен в единственном: произошла эта встреча не в реале.

– Итак... – сказал Сантана.

Благодаря ему, зрительный контакт между Ией и Ксантом прервался. Хакер ощутил испарину под своей рваной водолазкой, притом что в Цехе гулял прохладный ветер.

– Как и все вы, я сделаю это посредством очков и импланта, – пожала плечами Ия. – Моя хозяйка когда-то руководила распределительной системой, и у нее остались коды доступа к ней. Я однажды подглядела за ней – хозяйка снижала показания счетчиков в своем доме. Она была осторожна и многого не хотела. Полагаю, возможностей у той программы гораздо больше.

Опять молчание. «Термиты» ждали.

– Я знал одного типа из Брюсселя, – сказал Ромео, – который пробовал в одиночку пролезть в энергораспределительную сеть Европарламента. Какой-то дурацкий самопальный закон собирался протащить. У того парня тоже были все нужные коды. Так он теперь на коляске ездит и дышит через трубочку. А «Лунар» в сто раз защищенной и круче!

«Термиты» загудели. Каждому из них пришла на память не одна такая история.

– Что ж, – произнес Сантана. – По-моему, нам стоит убедиться в возможностях Ии. Кому-нибудь будет жалко, если она переседет в инвалидную коляску? Это ее личная проблема, полагаю, рискует она только своими мозгами. Настаивать на изгнании больше никто не собирается?

– Сантана, ты же сам говорил, что ее датчики ведут себя ненормально. Не стоит доверять ей нашу локалку, пока Ксант не прочесал их хорошенько, – сказал Док. – Я понимаю, что ты уже все решил, но, если не слушаешь нас, прими меры безопасности... Навлечет она на нас беду, помяните мое слово. – Он погрозил в пространство жирным пальцем.

– Не каркай, Гангрена, – ответила Кэмел.

– Заткнись, малявка... Так мне что, операцию ей на черепе делать, я не понял?

Кэмел постучала себя по макушке.

– Для тебя же это раз плюнуть. Забыл?

Док только скривился. С каждым днем, проведенным под эйсидом, его навыки все больше утрачивались. Он это осознавал, но не в силах был бороться с деградацией и наркотической зависимостью. Во время последней имплантации на мозге Кэмел Гангрена чуть не совершил непоправимую ошибку. Ему хватило выдержки удержать ситуацию под контролем. Целый месяц после этого Док ходил с белым лицом, мучаясь воспоминаниями, и не решался прикасаться к наркотикам. Потом, конечно, он сломался.

– Я держу ситуацию под контролем, – сказал Сантана. – Пока что никаких реальных оснований выгнать Ию у нас нет – одни эмоции. Поэтому она остается. Начнем работать, а там посмотрим...

Одно время на закрытых форумах появлялась информация о клонах-подсадках, носителях боевых вирусов, активируемых посредством кодированных радиосигналов полицией или другими хозяевами. Сантана даже думал, что наконец-то ему повстречался такой экземпляр, но не мог понять, чем удостоился подобной чести. Его группа звезд с неба не хватает и не нарушает негласных договоренностей, не переступает никому дорогу и не крадет так много, чтобы это нанесло кому-то серьезный ущерб. Клон-подсадка – дороговатое удовольствие. Чтобы прикрыть «термитов», не требуется такая изощренная работа. Довольно глупо подсылать осведомленным людям то, к чему они готовы и о чем предупреждены неоднократно.

Скорее всего, с Ией произошла другая история. Из-за какого-то сбоя в программе она могла потерять связь с базой и теперь испытывает понятный дискомфорт, находясь за пре-

делами сети и привычного порядка процедур. Возможно, она в самом деле принадлежит «Лунару» и изготовлена по его заказу.

По другой версии, которую обдумывал Сантана, Ия действительно была клоном-разрушителем, средством универсальной сетевой защиты и нападения. Сетевой солдат, собственность энергетического гиганта. По каким-то причинам она убежала и теперь оказалась в руках посторонних людей. В этом случае Ия просто бесценная – и опаснейшая – находка. По этой же причине ее нет в базе данных на беглых клонов.

Скорее всего, «Лунар» ищет Ию собственными силами. Не в интересах корпорации, чтобы она попала даже в руки Сетевой Полиции, не говоря уже об автономных хакерских группах...

Опасность очевидна – никто в здравом уме не будет стоять на пути транснационалов.

Сантана обвел взглядом соратников. Понимают ли они это? Чем обернется его сегодняшнее решение?

Он понятия не имел. Не так и часто ему приходилось полагаться на голую интуицию...

– Ксант произведет свою проверку, испробует весь доступный ему арсенал, – сказал Сантана. – Так или иначе нам нужна энергия, тем более дармовая.

– Может, ты возьмешь с нее клятву, что она не наступит на нас «пинболам»? – Ромео рассмеялся, но никто его не поддержал, даже Кэмел.

– О другом подумай, – сказал Шуруп. – Если Ия может все это, то мы будем в деньгах купаться. Если мы выкачаем из «Лунара» энергию, то нам многое будет под силу... Долго мы еще будем софт перебивать да копать в чужих грошовых счетах? На новый уровень выходить нужно.

– Разбежался, – бросил Ромео. – Дешевый треп. Многого хочешь от вторичной.

– Проблема в том, что мы живем себе и не тужим. У нас есть определенные средства, мы знаем, что делаем, и всем или почти всем довольны, – сказал Шварц. – Сантана требует от нас измениться, сломать порядок вещей... – Он помолчал. – Терпеть не могу изменения, особенно в худшую сторону...

– Да почему же в худшую? – спросил Шуруп.

– Сиди, пока по шее не получил. – Шварц показал зубы, приподняв верхнюю губу. Кулаки его сжались, так что хрустнули суставы. – Приволок на нашу голову черт знает кого... Тебе только на помойках шарить, как щенку беспородному...

Шуруп отвернулся.

– Перестаньте, – сказал Сантана. – Кое-кто здесь забывает о принятом мной решении. Ия остается... Это мое слово!

Гумми и Ромео поднялись, чтобы уйти.

– Пока останьтесь.

«Термиты» сели. Сантана посмотрел на клона. Девушка сидела, глядя в стол, и рассматривала свои руки. Кажется, к перепалке она давно потеряла интерес.

– Ладно, раз ты теперь кандидат в нашу банду, познакомься с личным составом. Камилла, завари-ка свежего чая, а то в глотке пересохло.

Кэмел, состроив недовольную мину, вышла из-за стола.

– Этого парня зовут Шварц, ему тридцать три, насколько я знаю. Мускулатура своя, родная, не имплантированная... Ведет здоровый образ жизни. Спец по мультимедийному хакингу. – Громила усмехнулся. – Начинал с того, что коцал старые фильмы со Шварценеггером, подменял его образ своим. Скоро стал работать на заказ. Хоть скор на расправу, поднимать руку на товарищей ему запрещено. Надеюсь, он об этом будет помнить всегда, – сказал Сантана и перевел взгляд на Сверло. Тот снова таранился на что-то, транслируемое по Сети. – Этого типа зовут Сверло, ему тридцать лет. Работал программистом «Формулы-1» в команде

«Рено». Три года назад был дисквалифицирован – продал программу управления системами болида соперникам. Хорош как диспетчер взломов, успел поучиться у лучших спецов Европы.

– Эй, Сантана, может, не надо ей такое досье выдавать? Не жирно ли для шпионки? – перебил Шварц.

– Не думаю... У меня нюх на полезных людей... Не поверь я тебе с самого начала, работал бы ты сейчас со мной? – Шварц нахмурился, однако промолчал. – Еще в школе Сверло создал легендарного червя-призрака. Теоретически этот вирус способен за секунды пробить брешь из закрытой локальной сети и открыть в нее доступ извне и тут же самоуничтожиться. Но ни один хакер в мире в его существование не верит, потому что никто его код не видел. Но самое главное, Сверло побил меня в гонках в «Конной тяге», тем и заслужил звание «термита»... Ксант, может, расскажешь о себе сам?

Сантана налил себе из заварника крепкого чая.

– Не о чем болтать... Слежу за техническим состоянием наших имплантов и прочего важного железа в Цехе. Вот и все! Мое дело маленькое.

– Еще наш «термит» на досуге пишет неплохой эйсид-трэш и выкладывает его на спецулах, даже временами получает за скачивание своей музыки серьезные бабки. Пользуется уважением в определенных кругах. Увы, обратная сторона медали тоже имеется. Если увидишь Ксанта с перекошенным ртом и с пушкой, лучше спрячься – любит охотиться за глюками. Тогда зови Дока.

Сантана заметил, что Ия осматривает каждого презентуемого «термита», но особенного интереса не проявляет. Словно обо всех них она уже знает достаточно.

– Итак, теперь наш доктор, ты уже с ним знакома. Сорок с чем-то лет. Когда-то работал в солидной клинике нейрохирургом, неплохо зарабатывал. Жена умерла от передозировки кетамина. Подсел на эйсид сам, докатился до должности хирурга в подпольной клинике для нарков, а потом и до санитара в психушке, оттуда я его и вытащил. Мозги он тебе будет оперировать, так что приготовься к худшему...

– Да ладно! Может, скажешь, какого цвета у меня трусы? – пробурчал Гангрена.

Сантана указал на вальяжного красавчика с внешностью анимэшного персонажа, на коленях у которого устроилась Кэмел.

– Ромео, двадцать четыре года, в семнадцать ушел из дома и объездил автостопом чуть ли не всю страну. Подрабатывал сетевым дизайнером, мастер по «глюкам» – умеет слепить образ несуществующего человека, не отличишь от настоящей медиа. О всяких неодушевленных предметах и не говорю. Отсидел два года, вышел по моей рекомендации, когда я готовился сколотить команду.

– А за что? – спросила Ия. – В смысле в тюрьме находился.

– Бордель у него был в Сети, там медиа знаменитостей за гроши любому давали. Фальшивые, разумеется. «Пинболы» его прикрыли, когда популярность узла зашкалила все пределы и реальные прототипы заегазили. Я там бывал, мне понравилось, когда еще на «пинболов» батрачил. Только мы тогда с ним не были знакомы.

Сверло, давно переставший воспринимать ситуацию, поднялся со своего места и направился к себе в отсек. Когда ему приходили в голову новые идеи, тормозить его было бесполезно.

– Гумми, двадцать пять лет. Воспитывалась в приюте после гибели отца и самоубийства матери. Кажется, безответно влюблена в Ромео...

– Черта с два!..

– Об оружии знает все, стреляет как бог, наизусть шпарит из инструкций к любым ручным пушкам. Папаша у нее наемным убийцей работал. Оружейные программы знает до последнего бита – наведение ракет через спутник, датчики активности врага, расчет прицела через погодные условия и прочее в таком духе...

Ну, это Шуруп, ты его знаешь. Мой славный племянник. Учится на последнем курсе Сетевого Универа. Посещает занятия в реале, чаще всего по понедельникам. Так что тебе сильно повезло, что ты именно вчера потерялась. Рэт-байк, на котором ты сюда приехала, достался Шурупу от отца. Тот разбился на нем, но выжил. У моего братца крепкая голова.

– Вся семейка такая, – сказал Шварц, глянув на Шурупа.

– И наконец, эта безобразная несовершеннолетняя девчонка! – сказал Сантана, не обратив внимания на последнюю реплику. – Наглая и беспринципная транжира по имени Камилла.

Девчонка тут же закривлялась, строя глупые гримасы, словно ребенок, оттягивая уши и сплющивая нос.

– Считается, что она наша любимица, – продолжал Сантана. – В двенадцать лет смылась из сиротского приюта с группой «Демон Максвелла», прокатилась по миру и с ними же вернулась, украла у клиента «Визу» и пыталась взломать ее защиту – тут-то я ее и загреб, тепленькую.

– Подонок, на ней миллион был, не меньше! – возмутилась девчонка и показала ему средний палец, одновременно высунув шевелящийся язык.

– Всего двести тысяч.

– Миллион! Ты меня обманул! Он мне сам говорил!

– Хвастал... Словом, я отдал ей половину, а эта неблагодарная дурочка уехала к «Демонам» и просадила свою долю за три дня.

– За пять! И я не одна отрывалась.

– В общем, через неделю вернулась и с тех пор живет у нас. Ни черта не умеет, но любит пострелять в симуляторах и подраться... Пальцем в глаз, кулаком в кадык, пинком по яйцам и все в таком духе – ее стиль... Кстати, брать ее с собой в сетевой магазин не рекомендую, все до цента вытряхнет, и квакнуть не успеешь. Если бы не банковская защита, от нашего общака в первый же день ничего бы не осталось. Счастье, что в обычные маркеты ее не пускают, «береги шмотки, краду» у нее на лбу написано, так же как...

– Ладно, проехали. – Девчонка потянулась к Ие и взяла ее за руку. – Подруга, запомни: не называй меня Джульеттой – это мое второе имя. И Кэмел тоже... Это от Камиллы – моего второго имени... А то обижусь, а когда я обижена, то становлюсь опасной... Заруби на носу.

– Я зарубила, – сказала Ия. – Можете ограничить мой словарный запас и отстроить модель поведения как вам угодно.

Сантана потер руки, оглядел «термитов», ожидая реплики, но обитатели Цеха уже переключались на какие-то свои дела.

– Ну, тогда презентация окончена. Все свободны, кроме Ии, Шурупа, Ксанта и Камиллы.

Гангрена засопел и отправился на свой любимый диван. К нему присоединился до крайности раздраженный Шварц. Ромео бросил окурок на пол, затоптал его и пошел к себе в отсек. Это напоминало, как минимум, акцию протеста. Гумми поглядела на Ию, поджав бледные губы, а потом двинулась за Гангреной и качком.

Шуруп ломал пальцы, погруженный в свои мысли.

– Камилла, Ия пока поступает в твое распоряжение. Покажи ей, что здесь есть. Сделайте уборку, отбросов скопилось многовато... – Сантана задымил. – Заклейте покрепче окно в подвале, которое крысы прогрызли, а то дует. Ясно?

– Я так и знала, – проворчала Кэмел. – Подруга, хочешь поработать?

– Я всю жизнь работала. В этом нет ничего нового, – ответила Ия. – Мне кажется, я не нравлюсь некоторым «термитам». Я некрасивая? Глупая?

– У нас разный народ – сама видишь, – сказал Сантана. – Пока они мне подчиняются, ты можешь ничего не опасаться.

Кэмел достала из кармана пилку и принялась подравнивать ногти на левой руке.

– Мне нужен доступ в Сеть, чтобы подключиться к распределительной станции, – сказала Ия. Она протянула руку Кэмел. Девчонка вопросительно взглянула на клона, а потом дала ей пилку. Ия стала пробовать ровнять свои собственные ногти.

– Отложим этот вопрос до завтра. Ксант, успеешь до вечера погонять ее импланты на своей аппаратуре?

– Само собой. – Ксант притворился недовольным. – Только если там что-то навороченное, может потребоваться сторонняя помощь.

– Нет, пока никого со стороны приглашать не будем. Постарайся обойтись своими силами. Шуруп, тебе тоже дело есть – выберись на свалку, поищи очки и приличный сетевой интерфейс, но не самый навороченный. Присмотри Ие одежку получше той, что выдала Гумми, только не яркую. И парик поскромнее! Док ее наголо обреет перед операцией, а лысой с такими блямбами в черепе ходить опасно, да и холодно еще. Справишься до завтра?

– Не вопрос. Позвоню подруге из Универа, поможет.

– Все, хватит разговоров! За дело, ребята.

Сантана хлопнул по столу ладонью и отодвинул Кэмел в сторону, но она принялась дурачиться и виснуть на нем, словно мартышка. Сантана какое-то время подыгрывал ей, а потом просто посадил на закорки и потащил в свое логово.

4

Оказалось, что сделать это достаточно легко. Тэна считала, что для побега понадобится большой расход энергии, и долго примерялась, прежде чем начать работу с клоном. Однако легкость, с которой произошло внедрение, ее ошеломила...

Тэна проанализировала базы данных сервера, где содержалась информация обо всех отцовых няньках, и поняла, что сделала правильный выбор. Клона звали Ия. Номер в спецификации: Ия-233419. Самая подходящая биологическая оболочка для ее целей. Красивая, по меркам обычных людей, рост и вес соответствуют стандартным на девяносто процентов. Строение и сложность мозга позволят Тэне задавать необходимые интеллектуальные упражнения своей машине для выхода в мир. Как всякий скафандр, Ия должна быть функциональной и исправной.

Тэна откалибровала ее импланты, добиваясь максимальной отдачи от работы всего электронно-биологического комплекса. Проанализировав все варианты развития событий, прогнав свой сценарий через экспертную программу, Тэна решила действовать. Процент удачного исхода довольно велик – не менее шестидесяти пунктов.

Десять часов вечера. Маркус Адассис лег спать в отвратительном настроении. Днем он устроил демарш. Лежал несколько часов подряд без движения, одновременно наблюдая видеосюжеты на не связанные друг с другом темы. Шкала его эмоционального состояния показывала то безумные всплески, то резкие падения настроения. Его ярость или возбуждение проходили так же быстро, как депрессии. Ему хотелось того, чего не смогло бы выдержать разваливающееся тело. Женщины, вина, быстрого бега, хорошей драки, как в старые добрые времена. Компьютер выдал клонам рекомендацию вколоть старику перед сном дополнительную порцию успокоительного.

Тэна наблюдало за всем этим и ждала. Ия чувствовала себя нормально. Физическое и психическое состояние клона было безупречным. Существо готовило себя морально – пожалуй, это было самым трудным из всего, что оно делало до сих пор. Ощутить себя в чужом теле. Две руки, две ноги, нос, рот, глаза – все это функционирует в нормальном мире. Каково это – дышать своими собственными легкими? А есть твердую пищу? Нет, виртуальная среда, даже с полным эффектом присутствия, не дает таких ощущений...

Тэна боялась. Она не могла описать свое состояние словами, но считала, что испытывает ужас – крайнюю, по людским меркам, степень страха и неуверенности, паники и безрассудного желания спрятаться в темное, безопасное место.

Но решение принято. Рациональная часть Тэны победила.

Она выходит «в мир». Альтернативы не существует. У нее нет иного шанса понять, каково быть человеком...

После того как Маркус засыпает, существо производит последнюю проверку всех охранных систем особняка и отключает следящие модули, а также все камеры в отсеке, где спят в полупрозрачных капсулах девушки-няньки. Проще простого. Сервер особняка, разумеется, ничего не «видит» и не «слышит».

Тэна изолирует Ию от всех внешних подключений, кроме своего собственного, и подгружает на ее импланты свою личностную матрицу, созданную в виде управляющего модуля. Софт работает превосходно. Пара секунд уходит на проверку конфликтов в оборудовании. Чисто.

Тэна ждет результатов, посылая Ие команду открыть глаза и осторожно вылезти из спальной капсулы.

Первоначально это шок. Внедрение произошло за считанные секунды.

Тэна дернулась внутри капсулы, и тело забилося от крупных мышечных спазмов. Дочь большого босса их почти не заметила. Она внутри тела – настоящего здорового тела. Воздух

врывается в легкие, плечи и грудь ощущают на себе давление земной гравитации. Теперь она – Ия.

Чувство ужаса и восторга...

Отец, ты не видишь этого! И бессилён повторить то, что сумела сделать я!

Ия-Тэна стоит возле открытой капсулы и смотрит в сумрак. На потолке мерцают аргоновые светильники. Напротив капсул – ряд шкафчиков с одеждой, а сама девушка одета в шорты-трусики из синтетической ткани. Ия-Тэна поднимает руки, ощупывая собственное тело. Голая грудь вызывает какую-то странную реакцию – губы начинают расплзаться, а из горла рвется необычный звук. Ия закрывает рот ладонью, хотя вряд ли кто-нибудь услышал бы ее смех.

Время – пятнадцать минут одиннадцатого. Особняк спит.

Ия ощущает ворсистую поверхность пола голыми подошвами ног. Ощущение приятное. На ощупь тело мягкое, но под жировым слоем гибкая молодая мускулатура. Связки тонкие, но прочные. Время дорого. Теперь ей нужно уходить. Надеть придется сначала то, что есть, рабочую форму клонов: комбинезон и легкие ботинки. В этом можно добраться до города, а уже там поискать что-нибудь менее заметное.

Ия не может удержаться и проходит мимо капсул с другими клонами. Девушки спят в полусидячем положении под углом в сорок градусов. К голове каждой присоединен обруч, считывающий информацию с тела и имплантов. Существо заранее подготовило фальшивые данные, передаваемые внедренной в сервер программой-червем. Компьютер считает, что у него десять клонов, хотя их уже девять.

Девушка находит свой шкафчик по надписи. Тэна управляет телом, но поначалу не слишком умело. Движения Ии нескоординированные, шаг какой-то деревянный, повороты неуклюжие. Постепенно она осваивается и испытывает от власти над своей новой оболочкой немалое наслаждение. Когда-то так было с Сетью, но сейчас гораздо, гораздо лучше...

Одевшись, Ия выходит из спального отсека и идет по молчаливому дому. Никто ее не увидит и не услышит. Девушка призраком скользит по гостиной и выходит в холл. Там она частично выходит из тела и открывает двери и ворота. Программная охрана периметра спит. Девушка-клон, лишившись на время полного контроля, стоит в растерянности. Тэна успевает вернуться – похоже, ее биомашина для путешествий в реал уже готова была поднять панику.

Ия бежит через территорию владений Маркуса Адассиса. В парке вполнакала горят фонари, просвечивающие сквозь переплетения голых ветвей, отчего создается жуткое впечатление вышедшего в явь кошмара. Впрочем, Тэна воспринимает это лишь разумом, а не чувствами. Ее интересуют сейчас иные проблемы. Она не учла температуру воздуха снаружи и не надела на своего клона то, в чем няньки обычно выходят на прогулку. Тело начинает дрожать. Ия останавливается в конце дорожки, ведущей к воротам, и оглядывается на особняк, наполовину скрытый деревьями. Вернуться? Нет, лучше не терять времени – двери уже заперты. Чтобы открыть их вновь, надо выходить из тела, а это лишние секунды. Теперь только вперед, в город.

Ия подходит к воротам, и одна их створка автоматически открывается. Девушка выскальзывает наружу. Небольшая пауза – и вот она уже мчится по гравийной дорожке вдоль высокой каменной ограды. Вскоре, однако, приходится остановиться – дыхание сбилось. Ия задыхается. Так – значит, это слишком быстро. Тэна выстраивает другую стратегию. Ия вновь бежит, но уже медленней, дыша более равномерно. Так лучше.

До города довольно далеко, поэтому возникает несколько проблем. Первая – нужен какой-то транспорт. Вторая – одежда. Третья – клону скоро понадобится пища. Четвертая... их много. Многие из них будут решены сами собой, когда Ия найдет необходимого ей человека. Он приведет ее к своим братьям и к тому, о ком давно размышляет Тэна...

Ия бежит уже несколько километров, периодически делая передышки. Местность вокруг лесистая, но в лес просто так попасть невозможно. Муниципальная собственность, повсюду понатыканы датчики, охранная система в состоянии активности. Приходится держаться дороги.

Она останавливается на развилке и сверяется с картой в своей памяти. Дорога эта должна вывести ее к шоссе на город. Неподалеку есть точка, где останавливаются водители большегрузных машин. Есть две возможности: сыграть роль и попроситься к водителю в кабину или каким-то образом тайком зацепиться за машину.

Тэна взвешивает обе возможности, и вторая представляется чересчур опасной. Ия не уверена, что, замерзшая и не до конца владеющая телом, она сумеет удержаться за металлические конструкции машины. А если она выпадет на дорогу во время поездки, то... Нет, тело лучше побережь.

Ия споткнулась и упала ничком, еле успев сгруппироваться. Все равно она сильно ударилась коленкой и плечом. В сферу по контуру обратной связи передался странный и неприятный сигнал. Боль?.. Ия поднялась на четвереньки, не понимая, откуда эта влага на глазах. По нервным окончаниям бежит ток, в мозг толкаются болевые импульсы. Девушка-клон плачет. То же самое горькое чувство, только несравнимо более слабое испытывает и существо внутри сферы. Боль – это ущерб. Травмы, шок, смерть. Надо быть осторожней. Люди берегут себя, свои тела, следят за здоровьем – не стоит об этом забывать. Если она хочет быть похожа на человека, надо учиться быть им.

Она поднялась и побрела в сторону станции техобслуживания и заправки, где горели неон и голограммы. Мимо Ии пронеслась громада грузовой фуры, длинная, словно поезд.

Наконец она у цели – и долго бродит между машинами, стоящими в ряд, прислушивается к речи водителей. Ей удается прятаться каждый раз, когда рядом проходит человек в рабочем комбинезоне. Ия выбирает шофера, к которому собирается обратиться с просьбой. Наверняка он попросит «обслужить» его в качестве платы за проезд – это неприемлемо. Придется врать. Тэна роется в своей памяти, конструируя нужную модель поведения. Как женщина может «отшить похотливого мужика»?.. Вариантов множество. Насилие здесь не подойдет, потому что чревато тяжелыми последствиями, к тому же Ия не знает, каким образом можно вывести из строя сильного мужчину. Теоретически – да, но тут дело в другом.

Ия ощущает усталость. Что-то новое, неведомое. Координация движений вновь нарушается, появляется слабость в руках и ногах. В этой ситуации идти на открытый конфликт с водителем невозможно. Нужно помнить, что сберечь тело – первейшая задача.

Невозможно полноценно выйти в Сеть, не бросив тело. Импланты в черепе Ии принимают только сигналы существа. Чтобы связь между Ией и сферой стала полноценной, нужен натальный интерфейс или хотя бы общественный терминал.

Ия, сидя на корточках, выглядывает из-под фуры. Шофер выходит из здания закусочной и топает к своей машине. Грузный, на вид не агрессивный, возможно, с низким интеллектуальным коэффициентом. Вероятно, семьянин и отец – он может войти в ее положение.

Ия колеблется буквально пару секунд, а потом покидает укрытие. Вот она уже рядом с водителем.

Тот вытаращивает глаза и смотрит на нее с отвисшей челюстью. Он немного испуган таким внезапным появлением незнакомки. Ия хочет улыбнуться, но мышцы лица не сразу выполняют нужные команды. Как заставить их двигаться, причем правильно, существо пока не знает.

Водитель утирает пухлые губы тыльной стороной ладони.

– Пожалуйста, вы не подбросите меня до города? – спрашивает девушка в рабочем комбинезоне.

– Чего? Подвезти? Нет, мне на стоянку надо... я домой возвращаюсь...

– Мне все равно, где вы меня посадите. Специально никуда заезжать не нужно.

Он оглядывает ее снизу доверху, глотает слюну.

– Ты кто? Ты откуда здесь?

– Маргарита. Так меня зовут...

– Ага. – Его глаза блуждают по сторонам. Ия думает, что он проверяет – не отвлекает ли она внимание, пока ее дружки подкрадываются сзади, чтобы проломить ему череп. – Деньги есть? Что-нибудь?

– Нет. Ничего. Ни кредитной карты... Ни... чего...

Водитель присматривается к ее рабочей форме.

– Мне очень надо в город, – говорит девушка. – Я отстала от хозяина.

– А!.. Садись... Все-таки веселей.

– Я не смогу оплатить поездку, вы понимаете?

– Ну...

– Я не буду вас обслуживать...

– Чего?.. – Водитель долго соображает, а потом демонстрирует щербатый оскал. – Да на черта ты мне сдалась, пигалица! Не любитель я малолеток... да еще таких, что и подержаться не за что...

Ия вспоминает просторечные выражения. Водитель имел в виду, что она очень худа, на его вкус.

– Садись, поехали. Чего волынку тянуть?.. Маргарита!

Он забирается в кабину, открывает ей дверцу изнутри. Ия карабкается по узким гофрированным ступенькам. Очень возможно, что водитель лжет. Значит, надо «держать ухо остро».

Огромный грузовик дергается и трогает с места. Машина выворачивает со стоянки и въезжает на шоссе. Фура расцвечивается огнями.

Город, залитый светом, вырастает впереди, словно оазис в пустыне, состоящей из тьмы, точно гигантский виртуальный дворец, созданный чьим-то большим воображением. Ия никогда не видела его по-настоящему. Одно дело видеть город из Сети, другое – живыми глазами. Воспринимать все краски, все блики, все грани.

Небоскребы поднимаются точно из-под земли – исполинские кристаллы с десятками тысяч ячеек, в которых копошатся муравьи. Город живет собственной жизнью, сочетая в себе роскошь и нищету, помпезность и строгость, вкус и безобразие, целомудрие и предельный разврат – все, что может прийти в голову людям, возвращенным на синтетических наркотиках и мнимой реальности.

Тэна ощущает нечто новое. Это не просто страх, а чувство подавленности. Она, способная разрушить виртуальный мир, не в состоянии постичь того, что есть мир материальный. Для нее единственной реальностью была Сеть и ее миражи, а вовсе не это...

Теперь все поменялось. Тэна закрывает глаза, опасаясь безумия, но любопытство сильнее стократ любого страха.

Водитель смотрит на нее, ухмыляясь. Ему кажется, что девчонка просто объелась какой-то химии. С ним тоже бывало такое после двух-трех «колес» – не хочется ничего видеть, а просто сидеть в уютной теплой тьме, отгородившись от назойливого мира.

Город приближается. Ия думает о том, сумеет ли она отыскать нужного человека.

Она потеряется там навсегда, в этой чудовищной массе стекла, бетона и плоти. Она будет частью чего-то большого, ничего не значащей частью, совсем не такой, как была живя дома. Она там просто никто. Находясь в этом беспомощном теле, без нательного интерфейса, она не сумеет совершить ничего из задуманного.

Водитель начинает травить какие-то байки, но девушка их не воспринимает. Он прикасается к ее руке, и тело непроизвольно вздрагивает, словно его прижгли раскаленным железом.

– Да успокойся ты... Я думал, ты отрубилась...

– Со мной все нормально. Я хорошо себя чувствую, спасибо.

Город проглатывает машину – над ней резко вздымаются, словно накатывающие океанские волны, небоскребы. Ия погружается в транс, не видя, куда едет фура, пока водитель не трясет ее за плечо.

– Приехали. Дальше мне на стоянку. Здесь не очень хороший район, но ты сказала, что тебе все равно... Да?

– Да, благодарю вас. Большое спасибо.

Она выпрыгивает из кабины, едва не упав. Ноги не слушаются, перед глазами все плывет. С гудением фура движется за ее спиной и уходит в никуда. Ия остается одна в странном месте, возле забора из сетки-рабицы. Справа тянется металлический ангар, исписанный похабными надписями. В воздухе воняет какой-то мерзостью и гарью. Под подошвами ботинок потрескавшийся асфальт, покрытый слоем липкой грязи. Ия идет по нему, тщательно глядя под ноги. Повсюду растоптанные обертки, смятые пластиковые бутылки и неопределимые останки чего-то.

Дважды она видела расплюснутых колесами крыс и одну ржавую механическую собаку с вылезшей шерстью – гнилой остов с пучками тонких электродов. Пошатываясь, тварь ковыляла вдоль забора, порой со скрежетом касаясь его пластиковым боком.

Девушка идет минут двадцать, стараясь держаться темноты, и постоянно слышит вопли то тут, то там. Кто-то дерется, орет пьяные песни, матерится. Ия часто выжидает в самых темных углах, пока мимо не пройдут местные. Те путешествуют группками и, как правило, вооружены. От них лучше держаться подальше.

У Тэны то и дело возникает искушение отключиться от тела и вернуться в свой безопасный сетевой мир. Там она госпожа, никого и ничего не боится. Но Ия-Тэна напоминает себе, что решение принято и отступать нельзя, поздно. Надо потерпеть еще немного – скоро она будет с тем, кого давным-давно заметила в Сети. Этот человек красив и дерзок. Он умеет показать другим, чего хочет. У него есть воля и желание творить собственную реальность. Все эти качества нравятся Тэне.

Возможно, она влюбилась в его образ, созданный собственным воображением, но... сейчас это не имеет значения.

Вот и дома. Те же трущобы, забитые грязью и мусором, но здесь гораздо лучше, чем там, где ее высадил водитель. Массивы небоскребов нависают над невысокими зданиями из крошащегося бетона, словно утесы. У бровки тротуара стоят битые машины. Ия в темноте крадется к ним, вздрагивая всякий раз от громкого звука. На улице никого нет, но люди близко. Люди, от которых исходит опасность.

Она знает, что некоторые машины снабжены сигнализацией, и к таким не подходит. Но тут она видит, как небольшой автомобиль подъезжает к стоянке и тормозит, заехав одним колесом на тротуар. Из машины вываливаются трое. Женщина и двое мужчин. Они пьяны, агрессивны, накачаны наркотиками. Женщина блажит на всю улицу, что сейчас надо пойти домой, а потом ехать дальше, потому что их куда-то пригласили... Гуляки убегают в ближайший темный подъезд, и машина остается открытой. Вот это удача! Ия стремглав бежит к открытой дверце.

Из подъезда доносится хохот, усиленный эхом от бетонных стен. Ия шарит по сиденьям. В салоне пахнет блевотиной, духами, выпивкой и потом. Клон чувствует рвотный позыв. Ия находит на заднем сиденье сумку с вещами, но не проверяет, что в ней. Это ее добыча. Теперь – бежать.

Она мчится наугад сквозь переулки и подворотни и успевает услышать позади грязную ругань. Она не останавливается примерно десять минут, уверенная, что преследователи ее не достанут. И правда, очень быстро наступает тишина. Ия оказывается возле мусорных бачков

позади какого-то здания, в котором, видимо, находится магазин. У бачков высятся коробки. В тени, попискивая, шныряют крысы.

Отдышавшись, Ия прячется в проем между баками, куда проникает неяркий свет фонаря над дверью черного хода. Слышно, как где-то в отдалении играет музыка. Низкие частоты заставляют дрожать кирпичную стену.

В сумке есть пакет с одноразовым платьем, предназначенным, видимо, для вечеринки. Рекламу этой одежды существо встречало в Сети. Есть нижнее белье. Мелкие вещи той самой женщины и немного наличности. Ия считает, что ей повезло. Со всем этим она сможет отлично сыграть роль перед Шурупом... ей нужно прикинуться обыкновенной девчонкой. Он к таким неравнодушен. Да, главное – заинтересовать Шурупа, а он уже привезет ее в Цех.

Ия быстро переодевается в платье, хотя ей стоит немалого труда понять, как надеть его так, чтобы оно стало таким, как в рекламе. Аккуратно обмотать вокруг тела, провести наслонявленным пальцем по стыку... Так, получилось. Теперь трусики. Надо было надеть их первыми...

Она думает, что не мешало бы сделать подобие прически и накраситься. Наконец она отыскивает в мусоре кусок стекла, который можно использовать как зеркало, и наводит «марафет» под светом фонаря. Получается на удивление хорошо – с ее точки зрения. Средства для укладки и массажная щетка помогли сделать из волос некое подобие прически. Такую носит одно из ее медиа в Сети.

Никакой еды в сумке не оказывается. Существо понимает, что клон хочет есть, поскольку из желудка в сферу приходят «тянущие» импульсы. Возникает мысль поискать что-нибудь в бачках, но Ия отказывается. Может возникнуть расстройство кишечника и рвота из-за отравления объедками. Чересчур большая роскошь в ее положении. Блюющая девушка Шурупа вряд ли заинтересует.

Дорогу Ия находит по указателям на домах и сверяет ее с картой, образ которой поступает в мозг через импланты. Ей нужно остановиться неподалеку от Университета. И по времени успевает, только не нужно задерживаться.

Путешествие через город нагружает ее впечатлениями. Ия то и дело напоминает себе, что обязана быть осторожной. Трижды ей предлагали сесть в машину и даже пытались гнаться, но Ия убегала. Наконец она поняла, что для улицы выглядит слишком вызывающе. По всей видимости, в таком виде она смахивает на проститутку.

Ближе к центру города начинают попадаться женщины, похожие на нее. Ия уже не привлекает к себе такого пристального внимания, но у самого здания Университета ее замечает группа подростков. Вот это – настоящая опасность. Ие приходится спасаться от них, от этой банды напирявшихся обезьян. Попади клон им в руки, все пошло бы насмарку. Расстаться с телом в результате насилия и непоправимой порчи было бы катастрофой. Ия, зная подробно расположение улиц рядом с Университетом, ухитряется обмануть преследователей. Она прячется возле мусорных баков в глубокой тени и слышит, как подростки с громкой руганью проходят мимо, освещая переулок фонариком.

Если она не ошибается, Шуруп должен возвращаться этой дорогой. Но где он? Время уже подходит...

Дождь, который стал накрапывать полчаса назад, начинает усиливаться, а вскоре превращается в полновесный ливень вперемежку с мокрым снегом. Ия сидит под металлическим «навесом» – крышкой мусорного бака, но брызги все равно попадают на нее. Ия чувствует, как прическа теряет форму, а косметика течет по щекам. Тело трясет от холода.

И тут наконец появляется Шуруп на своем рэт-байке. Он едет медленно, словно дождь ему нипочем. Голова закрыта капюшоном, в темном провале отражением далекой рекламы поблескивают сетевые очки. Макинтош блестит от воды.

Ия выжидает удобный момент, а потом выползает из своего убежища чуть ли не на середину переулка. Байк проезжает мимо нее на расстоянии полуметра. Шуруп поворачивает голову и останавливается.

– Эй, куда прешься? – говорит он. – Под колеса захотела?

Ия знает, что ей надо играть роль, однако усилий прилагать почти не приходится. Она устала, вымотана психически и физически, замерзла.

– Я?

– Ты, кто ж еще-то? Ты одна?

– Одна.

Ия подходит к байку, держа себя за плечи. Шуруп поднимает очки со лба.

– Ну и ну... Откуда ты такая взялась?

Позади раздается хриплый пьяный вопль и наглый смех. Шуруп оборачивается на секунду.

– Прячешься?

Ия кивает.

– Так... Значит, помощь нужна?

Ия снова кивает.

– Я замерзла, помогите мне.

Она дрожит, зубы стучат друг о друга. Шуруп разглядывает ее несколько мгновений.

– Дай руку.

Ия протягивает ему правую, и Шуруп принимается щупать у ней пульс. Потом он вооружается бактериальным мини-сканером и проводит им над головой девушки и по ее рукам. И наконец направляет поляризованный свет крошечного фонарика ей в глаза, уши и ноздри, заставляя открыть рот.

– Вроде чистая, – говорит. – Садись. Только я домой еду... На кабак не рассчитывай, денег нет.

– Мне все равно. Я боюсь людей, которые меня ищут.

– Да-а... Я их видел. Может, ты их ограбила?

– Нет. Они хотят меня изнасиловать.

– Конечно. – Шуруп ухмыляется. – Садись сзади, держись за меня. Прокатимся.

Для Ии все складывается как нельзя лучше.

– Как зовут?

– Ия...

– Ладно, пусть будет Ия. В первый раз слышу такое имечко.

Байк поворачивает за угол и мчится по освещенной улице, обгоняя автомобили, к Цеху... Именно о Цехе думает Тэна внутри своей сферы. Это место, где живут люди, давным-давно попавшие в прицел Ии. Талантливые взломщики, гораздо более умелые и, в ее понимании, во всех смыслах более достойные, чем другие подобные хакерские группы этого сектора. И их главарь – Сантана. Больше всего внимание Ии привлекает он. В нем что-то есть, сказала бы Тэна, умей она говорить самостоятельно...

На некоторое время в пути хозяйка сферы отключается от клона. Шуруп чувствует изменения в поведении девушки. Она что-то спрашивает у него плачущим голосом, но Шуруп не разбирает слов из-за уличного шума. Ия держится за его плечи одеревеневшими руками.

Тэна проверяет, как работают черви, которых она внедрила в сервер особняка. Пока все в порядке, программное изменение системой не замечено. Теперь компьютер будет думать, что у Адассиса не десять клонов, а только девять. Замести следы легко. Тэне предстоит решать другую проблему: как вести себя в Цехе, в общении с этими странными людьми... Надо серьезно подумать.

Всю дорогу Ия-Тэна испытывает дискомфорт. Проверка реальным миром для нее все тяжелей. Насколько же он неудобен, опасен и сколько требует выносливости!.. Невероятно!.. Здоровые, нормальные люди страдают с самого рождения...

Очень много неясного. В результате анализа ситуации она решает занять выжидательную позицию. Впервые в жизни ей предстоит говорить с живыми людьми с глаза на глаз, в реальности. К этому Ия не готова. Она слишком измотана, ее эмоциональный фон из-за физической усталости понижен. Существо ненадолго возвращается в клона, чтобы убедиться в том, что план выполняется. Они действительно едут с Шурупом в Цех, базу «термитов».

Полуразрушенные фабричные здания стоят во мраке, их контуры еле угадываются. Где-то впереди горит огонек, Ия не знает, обозначает ли он местоположение Цеха или это что-то другое. Нечто, что можно определить как страх самого клона, неизвестно каким образом прорвавшийся наружу, вползает Тэне в сознание. Она немедленно берет тело под жесткий контроль. Сил потрачено немало. Восстановить их в полной мере возможно лишь принятием еды и сном.

Рэт-байк Шурупа ползет по извилистой дорожке, по южной оконечности обширного пустыря. Машина подпрыгивает на ухабах, скрипят амортизаторы. Луч от фонаря на передней панели у руля освещает покрытую лужами и островками снега дорожку. По обеим сторонам от байка кучи земли, из которой растут чахлые сорняки и мусор, давным-давно спекшийся в единую массу. Издалека до носа Ии долетает запах гари, но самого костра она не видит.

Шуруп поворачивает налево, на квадратную площадку перед воротами в Цех. Они заперты. Над ними горит желтая лампа, образующая тот самый островок света во тьме.

– Приехали, – говорит Шуруп, останавливаясь возле ворот поменьше, встроенных в большие. – Слезай.

Ия делает неуверенный шаг на грязную землю. Та продавливается под подошвой сапожка. Холодный ветер, отражаясь от здания, набрасывается на тело клона. Ия вся съеживается. Она промокла и полностью беззащитна перед непогодой. Шуруп, усмехнувшись, открывает меньшие ворота и закатывает байк внутрь, в темноту. Ия смотрит ему вслед.

– Иди сюда, не стой, – говорит «термит». Загорается свет. Сняв сетевые очки, Шуруп возникает на пороге. Видя, что девица не торопится, он берет ее за руку и втаскивает внутрь. – Не трать тепло, – произносит Шуруп.

Тут гаражный отсек, где стоят накрытые пластиковой пленкой транспортные средства «термитов». Пахнет органическим топливом, кажется дизельным, давно вышедшим из широкого употребления. Также машинным маслом и горелой проводкой. К этому примешивается запах человеческого жилья и еды.

Существо сверяется со своими данными – они находят подтверждение. Именно так расположены в Цехе объекты, доступные для наблюдения на этом этапе. Когда хозяйка сферы решила побольше узнать о Сантане и его группе, она подключилась к их внутреннему серверу, минуя все линии защиты. «Термиты» считают, что это невозможно, но для Ии такие вещи не представляют трудностей. Что сказал бы администратор их локальной сети, Шуруп, если бы узнал? Ия выведала многое о том, как Цех устроен, кто где живет и какие данные хранит на сервере. В закрытые папки она забираться не стала – там можно оставить следы, – но общую ситуацию могла себе представить.

Появляется Сантана, и между ним и племянником возникает разговор. Шуруп выводит Ию на свет, чтобы показать, и глава «термитов» разглядывает девушку в упор, словно видит невиданный доселе механизм неизвестной конструкции. Такой взгляд смущает Тэну, и она предпочитает уйти вглубь, оставив за собой только общее управление клоном. Девушка, ничего не понимающая, смотрит по сторонам. Лицо Сантаны выражает сначала удивление, потом нечто похожее на жалость, потом гнев. Этот гнев обращен на Шурупа. Тот стоит в мок-

ром макинтоше, сунув руки в карманы, и улыбается. Эта улыбка предназначена самому себе, чтобы приободриться. Ия решает, что Шуруп вовсе не уверен в том, что поступил правильно. «Термиты» ревностно относятся к суверенитету своей территории.

Тэна смотрит на них двоих из сферы, предоставив клону говорить. Фразы, выдаваемые девушкой, вполне создают впечатление «невинности и незащищенности». Это самый лучший способ завоевать доверие, играя на обычных человеческих чувствах.

Пока идет «разбор полетов», существо глазами клона осматривается. «Термиты», бывшие в Цехе в это время, не обращают на нее внимания, визор орет громко, а на большем диване сидят полная девушка и мужчина средних лет. Тэне не нравится, как ведет себя клон, но она боится нарушить первое впечатление, создавшееся о ней у Сантаны и Шурупа. Сейчас еще рано показывать себя – пусть они и считают ее полной дурой. Осторожность прежде всего. Было бы непростительной глупостью с порога выкладывать все карты... Одно ясно точно – Сантана не собирается ее выгонять.

Весь вечер существу приходится время от времени подключаться к клону напрямую и корректировать его речь. Странное чувство расколотости. Ия-Тэна чувствует себя незащищенной, голой, уязвимой. Сфера, в которой она прожила много лет, кажется не таким уж плохим местом... Все познается в сравнении.

В целом все прошло примерно так, как предполагалось.

На ночь она отключилась от клона, оставив лишь узкий сигнальный канал на случай непредвиденных обстоятельств. Тело поместили в закутке у Гумми, положили на широкую кровать рядом с полной девушкой и накрыли старым одеялом. Ия мгновенно засыпает. Гумми, перебравшая с пивом, несколько раз за ночь встает, чтобы сходить в туалет. Всякий раз она плюхается на матрац со всего маху.

В темноте сквозняк. Холодный ветер проникает в отсек, от него не спасает даже обогреватель. Искусственная кошка заскакивает на спину клону и, прогулявшись, убегает. Все это Тэна фиксирует на подсознательном уровне, как если бы сама была там. Примерно так же отмечает происходящее вокруг не слишком крепко спящий человек.

Утро заставляет Тэну заниматься собственными процедурами. Она лишь изредка просматривает глазами Ии то, что происходит в Цехе. Клон на удивление быстро адаптируется в новых условиях, хотя существо отмечает его эмоциональную нестабильность. Это элементарный страх – раньше клон не знал подобного чувства.

Тэна наблюдает и за отцом. Маркус Адассис по-прежнему в депрессии. Препараты несколько не улучшают его состояния. Он не замечает, что клонов в его окружении стало девять. Может, потому, что он никогда не видел их вместе. Адассису плевать на окружающий его мир, старик медленно, но верно сползает к полному распаду. Пускай, думает Тэна. Скоро так или иначе это закончится...

«Термиты» представляют собой пестрое сборище самых разных типов. Ия сразу чувствует внимание к себе и четкое разделение – на тех, кто симпатизирует ей, и кто настроен враждебно.

Появляются другие члены группы, которых не было вечером. Ей понадобится время, чтобы составить четкое мнение обо всех них. Ее по-настоящему интересует другое: каково будет решение общего собрания. А главное – мнение Сантаны. От него зависит судьба всего предприятия, и тут Тэна не может руководствоваться случайностью. Она перехватывает инициативу и подключается к клону, беря руководство в свои руки.

Предложение Ии становится сенсацией. Впрочем, Тэна предвидела это.

Она знает, что чаша весов склонится в ее сторону.

5 20 марта (1)

– Пойдем, поработаете с Ксантом... – «Термит» поднялся и протянул Ие руку.

– А ты, Шуруп?

– Послушай, у тебя это звучит как ругательство, – проговорил он.

Девушка только подняла брови – продолжения не последовало. Она отправилась вслед за «термитом» в комнату Ксанта.

Эйсид-музыкант прослушивал в замедленном режиме старые записи, не подключаясь к Сети, – просто звуки, трудно постижимые без интерфейса и особенно на свежую голову, не замутненную кислотной дурью. Таким способом он обычно отыскивал новые сочетания звуков. Если потреблять эйсид-трэш так, как это делают ценители, мозг захлестнет эмоциями, об осознанном расчленении звукооряда тогда и речи не будет.

Комнатушка Ксанта, понятно, была сплошь увешана голопостерами, и большая часть из них изображала самого хозяина. Фанаты постарались, а Ксант уже скачал и тиснул их на цифровой бумаге. Скромностью он не отличался. Хотя, надо признать, во время срывов он нередко дырявил свои изображения, так что многие физиономии музыканта были изрешечены пулевыми отверстиями. Особенно пострадал один постер, на котором Ксант являл из себя некоего мрачного демона цифрового ада, с огненным языком и когтистыми лапами, в прикиде из обугленных печатных плат. Он же единственный подвергался лечению скотчем.

Освещение в комнате было неравным, но рабочий стол с аппаратурой просматривался идеально. Гудела миниатюрная тепловая пушка.

– А, привел? – Ксант отвлекся от прослушивания и ткнул в полупрозрачную клавишу паузы на музыкальной голографической клавиатуре. Музыка исчезла. «Термит» глянул на Ию. – Давай, подруга, раздевайся и ложись, буду тебя изучать.

– У меня только в черепе импланты, – сказал клон.

– Не обсуждается, это приказ Сантаны. К тому же – откуда тебе знать, если тебя не уведомяли о чем-то или поставили эрзац-воспоминания.

Ксант кивнул на лежак, который он обустроил прямо на полу, возле стены. Он был не заправлен, и «термиту» пришлось встать и накинуть сверху потертое покрывало. Потом Ксант слегка пнул тепловую пушку, так чтобы она повернулась жерлом к постели.

– Что-то я не помню насчет сканирования тела, – сказал Шуруп.

– Это подразумевалось, братишка. Может, ты сам этим займешься? – Ксант прикинулся обиженным и скривил губы. – А то давай, вот тебе аппаратура, программу я сейчас запущу. Ну, что скажешь?

– Остынь.

– Вот и не мешай тогда работать! У тебя, кажется, дело есть?

Физиономия Ксанта налилась кровью. Химия часто делала из него агрессивного идиота – и тогда лучше было с ним не спорить.

– Ладно, не кипятись... Я только хочу помочь Ие адаптироваться.

Ксант фыркнул и стал настраивать программу, для чего вывел над рабочим столом системное меню в форме объемной голограммы. Что это было такое, Шуруп не знал: Ксант никому не рассказывал о том, что пишет сам для себя или для своей работы по техническому обслуживанию Цеха.

– Давай помогу.

Ия неумело теребила пальцами старинные пуговицы армейской рубахи. Молнию на панталонах она расстегнуть сумела, и те легко упали на пол, так же как и шарф с жакетом.

– Одежду принято складывать на стул, чтобы не запачкалась.

Шуруп поднял Иины вещи и принудил ее по очереди приподнять ноги, чтобы высвободить белье. Одно мучение – прикасаться к этой прохладной коже. Сексуальные фантазии Шурупа приобрели небывалую яркость.

«Надо же, как меня клон заводит», – подумал он. В штанах уже торчало. Шуруп старался думать о каких-то отвлеченных вещах. Помогало, но слабо.

– Вот, смотри. – Он показал Ие, как следует двигать пальцами, чтобы пуговка расстегнулась. Руки девушки оказались неожиданно теплыми, и Шурупа вновь проняла дрожь.

– Ну, долго еще? – недовольно спросил Ксант. Он наблюдал за процессом раздевания, стоя возле постели.

Рубаха легла на спинку стула, Ия осталась только в сапогах. Шуруп усадил ее на постель и стянул с гладких, словно у младенца, лодыжек обувь. Ия нерешительно улеглась с плотно сжатыми ногами, разогнувшись словно кибер, угловатым движением, вытянула руки вдоль бедер и уставилась в высокий потолок неподвижным взглядом. На лице ее не было ни одной эмоции.

– Ну я пошел, – хрипло сказал Шуруп.

– Давай-давай.

– Ты полегче с ней, понял? Она еще...

– Слушай, иди-иди...

Шуруп улыбнулся Ие, но она лежала так же скованно и глядела только в потолок.

Единственная машина «термитов», большой восьмиместный джип, принадлежала Сантане. Он подобрал ее на свалке, когда еще учился в Университете, отремонтировал и покрасил в неприметный серо-бежевый цвет. Не было только заднего стекла, вместо него Сантана приклеил лист жесткого пластика. Тратиться на новое ему не хотелось, а «родных», простых стекол для этой тачки было уже не сыскать. Джип работал на дизеле, и пользоваться им можно было только в исключительных случаях – органическое топливо стоило сумасшедших денег. Вот уже несколько лет Сантана никак не мог переделать бак на гелий-3, вечно находились поводы потратить деньги на что-нибудь более важное. Или же их просто не было.

Еще имелся у «термитов» электросамокат, подаренный каким-то старым ухажером Кэмел. Очевидно, угнанный. Правда, аккумулятор у него садился уже через десять километров, а для его подзарядки требовалась целая неделя.

Самым крутым, по мнению Шурупа, транспортным средством владел Шварц, гордившийся своей «малышкой». Складная одноместная машина на солнечных батареях досталась ему прошлой осенью в качестве приза за победу в виртуальном кулачном бою. Шварц со скрипом влезал в этот гроб на колесах, однако пользоваться ею никому больше не давал. «Малышка» стояла в углу, накрытая прозрачным пылезащитным чехлом.

Шуруп проверил капсулу с гелием в реакторе своего рэт-байка – топлива было еще много – и открыл дистанционно ворота Цеха. Холодный воздух, полный запахов тления и горящего мусора, ворвался в помещение, и Шуруп как можно быстрее выехал за ворота, чтобы не нарваться на выговор товарищей. Гофрированная жесть с лязгом встала на место за его спиной. Шуруп по глубокой луже объехал гору бетонных плит, распугав стаю жирных крыс.

Снег почти сошел, только вдоль стен полуразрушенных зданий и в темных закутках еще лежали его грязные ошметки. Повсюду валялись скелеты и остовы электронного зверья, выкинутого зимой на обочину жизни. Всю бионачинку из трупов уже выгрызли крысы и выжившие во время холодов кошки и собаки. А может, и более экзотическое зверье типа карликовых крокодилов, которого в последние годы порядком развелось в канализации. Говорят, в поисках пропитания они стали выбираться на поверхность.

Возле свалки бытовой техники Шуруп наткнулся на двоих парней из банды «Гевара». Они сидели в черном «додже» и наблюдали, как через сетчатые ворота на территорию свалки

въезжал самосвал со старыми холодильниками, визорами, компами и прочим электронным хламом. Свалка была устроена рядом с останками взорванного террористами небоскреба.

«Термит» притормозил рядом и поздоровался с обоими «Геварами».

– Куда путь держишь, брат? – спросил Цайтунг. Как звали второго, Шуруп не знал. – Давай с нами, составь компанию. Если что, отбиться проще будет, я тебе и пушку дам. – Он кивнул на фигуры еще нескольких местных «потрошителей», что расположились в разных точках по периметру свалки. – Вишь, на свежак слетелись, воронье.

– Мы сами такие, – хмыкнул его приятель.

– Думаешь, им много надо? Варвары! Вырвут память, медные катушки и капсулы с крохами гелия, остальное разбросают и потопчут. Что бы понимали в начинке, уроды. Не говоря уже о привычке некоторых обращаться с таймерами. Отребье, одно слово.

– Не думаю, что к тебе кто-нибудь полезет, – заметил Шуруп.

Цайтунг почти не уступал по габаритам Шварцу, но именно это «почти» и стало причиной его поражения в осеннем финальном бою в «Конной тяге». С тех пор он уважал «термитов» не меньше, чем своего босса Че. Если раньше у «термитов» время от времени случались конфликты с местными отморозками, претендовавшими на теплый Цех, то за эту зиму к ним не вломился ни один посторонний.

Вся левая рука Цайтунга от запястья до плеча была опоясана древними механическими хронометрами на ремешках – металлических, кожаных и пластиковых. Похоже, он снимал их только когда мылся, а случалось это редко, судя по исходящему от него мощному духу. Когда-то в юности он промедлил одну секунду, прежде чем приложить противника, и тот пырнул его ножом в бедро. Хирург в подпольной клинике залатал его как сумел, то есть оттяпал ногу почти целиком, а Цайтунг, пока валялся на койке, проникся идеями некоего экзотического культа, в центре которого стояло Время. Время сектанты почитали как единого бога... Вот что значит иной раз секунда в жизни человека. Цайтунг считал, что прогневал божество своей невнимательностью и легкомыслием.

Квадратная, с массивным подбородком физиономия «Гевары» была украшена двумя узкими шрамами, на лбу и щеке, – несмотря на верность культу, даже он не всегда успевал отбить выпад врага.

– Тринадцать семнадцать, – не глянув на часы, назвал он время и вылез из-за руля. Его ножной протез скрипнул. Впрочем, механическая нога только выглядела неказисто, вводя противника в заблуждение, а на самом деле являла собой чудо эргономики. Немало врагов Цайтунга поплатилось здоровьем за неуважение к его протезу. – Сейчас уедет... Ну, ты с нами?

– Вообще-то мне интерфейс нужен, я в «Конную тягу» ехал.

– Не торопись, что-нибудь да сорвем...

К Цайтунгу стоило прислушаться, хотя сам Шуруп избегал копаться на свалках в поисках периферии. Он приткнул байк рядом с тачкой «Гевар» и полез вслед за ними в разрыв крупноячейстой сетки, ограничивающей территорию с механическими отбросами. «Додж» старины Че в этом районе знали все, так что к нему, а заодно и к колесам «термита» ни один отморозок приблизиться не посмеет. «Гевары» подвизались на нелегальном рынке ручного оружия, так что машина у них наверняка оснащена такой убойной защитой, что у вора только мозги в стороны брызнут, вздумай он поживиться чужим добром.

Цайтунг оказался прав. Вместе с грудой бытовой техники мусорный грузовик привез и парочку сломанных киберов. Возле одного уже возился какой-то грязный малец, собираясь расколотить пластиковый череп.

– А ну-ка отвали! – прикрикнул на него «Гевара».

– Я первый нашел!..

Цайтунг отогнул полу макинтоша и положил руку с синей наколкой циферблата на рукоятку диверсионной модели «макарова», стреляющей почти бесшумно. Парнишка зло ощерился, но предпочел укрыться за горой холодильников.

Влажный ветер нес над свалкой запахи металлического тления и вони от горелой изоляции.

Шуруп каблуком своротил черепной свод у кибера и с помощью тонкой скобы принялся выкручивать из искусственных мозгов бляшку сетевого импланта. Модель была не слишком современной – судя по маркировке, интеловская трехлетней давности, но большего и не требуется. В погоне за бабками производители накручивают на периферию все новые и новые чипы и вшивают улучшенные процедуры, а скорость обмена данными с точкой вай-фай как была терабит в секунду, так и осталась.

Цайтунг, естественно, искал хронометры. Его напарник выковыривал из техники интеллектуальные модули связи с Сетью. Насколько знал Шуруп, «Гевары» накручивали такие на простые пистолеты, чтобы превратить их в «умные», и перепродавали с заметным наваром. «Обожгутся они как-нибудь на этом левом бизнесе, – заметил однажды Сантана. – Занимались бы только хакингом, как мы, дольше бы прожили. Накроют их или порешат свои же, вот увидишь».

– Что за дерьмо! – злился Цайтунг, когда в очередной раз вместо механического счетчика времени в какой-нибудь ржавой микроволновке ему попался электронный таймер. – Куда мы катимся? Вонючие кварцевые часы, и те попадались в последний раз уже месяц назад. Время!! Где надежные и понятные всем пружины и стрелки, я вас спрашиваю?

Над манией Цайтунга можно было бы посмеяться, если бы это не вышло боком насмешнику. Поэтому Шуруп помалкивал, а уж второй «Гевара» и подавно. Главное, что Цайтунг выполняет свою роль пугала, так что рассуждать он может о чем угодно.

Глазницы кибера внезапно пришли в движение, отчего Шуруп вздрогнул. Похоже, он неловко тряхнул искусственного «человека», и остатки гелия в его капсуле послали последний энергетический импульс в электрические цепи.

– Где-е-е я-я-а-а?.. – промычал кибер на последнем издыхании, выпучив на «термита» пластиковые глаза. Рука его шевельнулась и замерла.

– Вот урод, нашел время выступить! – обозлился Цайтунг, который как раз очутился рядом, и пнул голое туловище в бок. Кибер выдал последний затухающий хрип и отрубился навсегда. – Ну как, годится?

– Сойдет. Только периферии нет, и контакты у импланта не годятся. Очки, опять же...

– Насчет этого тебе лучше в «Конной тяге» справиться, вдруг найдется что приличное. Ну сэкономил все же порядочно, верно?

– Спасибо, что позвали.

– Без проблем, – осклабился и потрепал Шурупа тяжелой рукой по плечу. – Пушка понадобится – обращайся. Зря Сантана вам оружие не выдает, тут становится опасно... Особенно сейчас, когда всякая мразь оттаяла.

Тут из-за ближайшей кучи холодильников возникла троица хобо под командой одноногого и одноглазого весьма пожилого типа, чисто героя «пиратского» комикса. Выглядел он неказисто, однако сразу становилось ясно, что это один из главарей местных падальщиков.

– Гонзаг! – «обрадовался» Цайтунг. И сплюнул.

– И тебе привет... – сплюнул старый хобо. – Хронометры выдираешь?

– Как всегда. Время не ждет! Гусь, и ты тут, – кивнул он квадратному типу в мешковатой грязной одежде, который мусолил огрызок толстой сигары. – А это кто с вами?

– Тролль, – проговорил третий хобо.

– Мы уже заканчиваем, ребята, – сказал Цайтунг и глянул на напарника. Но тому не надо было дополнительного напоминания, он вел себя тихо. – А это Шуруп, наш человек.

«Термит» выдержал острый взгляд Гонзага, затем попрощался с коллегами и вернулся к своему байку. Пока они возились вокруг свежих электронных отбросов, к свалке подтянулись прочие местные падальщики-хобо. Скоро Цайтунгу с его напарником, если они затянут пребывание на свалке, станет жарковато. Впрочем, все нужные им примочки к тому моменту они уже почти сняли, а потому спокойно уберутся восвояси. Договоренности о разделе добычи свято соблюдаются бандами.

Встроенные в раму рэт-байка динамики выдали вполне натуральный рев, якобы сопровождающий работу бесшумного водородного двигателя. Шуруп помчался к «Конной тяге», расплескивая лужи. Сетчатый забор, свалка и хобо остались позади. Машинка проехала через узкое ущелье между скалами спрессованного временем мусора. В очередной раз повезло не попасть под обвал...

Через пару минут Шуруп промчался над железнодорожным перегонном – внизу с низким гулом пролетел глухо закупоренный товарняк – и спустился по серпантину к широкому тупику.

Бар «Конная тяга» обосновался в здании бывшей заправочной станции и в ее подвалах. Точнее, пустых хранилищах для бензина. Запах из них, впрочем, до сих пор еще не выветрился окончательно, и к духу отбросов примешивался его слабый специфический «аромат». Владелец заведения, когда давал ему название, очевидно, стремился хоть таким способом зачеркнуть вонючее прошлое этого здания.

Рэт-байк Шурупа тут знали все от мала до велика, поэтому он без опаски примотал его шлангом к раздаточной колонке без стекла и вошел в почти пустую забегаловку. Дневное время – посетителей раз два и обчелся. Обдолбанные подростки рубились друг с другом на игровых автоматах. Двое из них управляли голографическими солдатами в полной амуниции, кружившими на заглубленной в пол арене. Остальные орали во все горло. Внимания они никакого не стоили – слишком малы и тупы.

Впрочем, именно такие вчера охотились за Ией в районе Универа... Может быть, эти самые малолетние идиоты...

– Привет, Пинчер! – крикнул Шуруп и подошел к стойке.

Вялый парнишка с пустыми глазами, тощий и длинноносый, очнулся и лениво махнул в ответ:

– Рано ты сегодня. Один, что ли? Ваши вчера порезвились...

– Что у тебя сегодня из периферии, покажи.

Пинчер поскуцнел и кивнул на дверь в подсобку. Шуруп – первый вменяемый посетитель, да и тому надо лишь порыться в электронном барахле, что оставляют клиенты в уплату за дурь, выпивку, ставки и аренду игровых автоматов.

– Есть кое-что новое, не успел рассмотреть. По-моему, хлам.

– Хозяин уже видел?

– Нет еще, пользуйся...

Ему повезет, если среди цифрового хлама отыщется нечто достойное. Надежды на это мало, но все-таки она есть. Успей владелец заведения провести инспекцию, то ничего бы здесь Шурупу не обломилось. Хозяин сбывал электронный хлам в другом месте и за большие деньги.

Шуруп разворошил ладонью гору «нового» электронного мусора, наваленную на ближайшей полке стеллажа, и сразу заметил сетевые очки. Обод их лоснился жиром, а пластиковые ремешки заметно обтрепались, но все же это была достойная модель. Пусть и с плоскими стеклами, а это говорило о том, что выпустили их минимум лет пять назад, – зато целыми, без трещин и царапин на активной матрице. Короткая антенна, правда, погнулась и готова была выпасть, но Ксанту не составит труда закрепить ее и вернуть прямизну.

В дверь подсобки негромко стукнули. Шуруп ударил пальцем по выключателю. Послышался стук входной двери. «Термит», рискуя напороться на стеллаж, кинулся с очками в даль-

ний угол подсобки и втиснулся в щель между металлическим шкафом и стеной. Почти сразу дверь распахнулась, и в помещение кто-то вошел. Скорее всего, хозяин «Конной тяги» или его помощник, управляющий бара. Шуруп услышал, как визитер раскатал руками горку барахла на полке и выругался:

– Опять мусор принял? На пару сотен евро, не больше!

– Так и заказов было на сотню...

– Как же! Эйсиды только двадцать граммов сплавил. Гляди у меня, Пинчер, вот поймаю за воровством...

Тощий только запричитал в ответ что-то несвязное. Свет вновь погас, и дверь подсобки снова хлопнула – гость убыл. Шуруп переждал до того момента, как снаружи опять отстучали условный сигнал, и выбрался в проход. Теперь тут ловить было нечего, поэтому он вышел вслед за хозяином «Тяги» на свет.

– Гляди, сам отдуваться будешь, – проворчал Пинчер. – Мне-то что? Скажу, пригрозили убить... – И он продолжал уныло бухтеть, при этом следя за подростками возле автоматов.

У этого типа было одно неоценимое достоинство – он физически не переносил ни одного наркотика, ни синтетического, ни натурального – никакого, а от эйсиды его выворачивало наизнанку. Нет сомнения, что работу вроде теперешней он всегда найдет.

– Сколько?

Шуруп выложил на стойку сетевые очки.

– Успел-таки выудить! Полтинник с тебя.

– Грабитель.

«Термит» отсчитал пять затертых десятков – очки того стоили, если, конечно, не страдали каким-либо внутренним дефектом. Но Пинчер, принимая товар в качестве платы, всегда дощшно проверял все, что проходило через его руки.

Шурупу оставалось добыть парик и нательную периферию. В этом вопросе сэкономить не выйдет, придется ехать на районную барахолку. Шуруп отмотал топливный шланг, прыгнул на байк и вырулил из тупика под восточную эстакаду – воспользовался вторым выездом от «Конной тяги».

Рынок располагался в китайском квартале, который примыкал к старому промышленному району города. С китайцами «термиты» находились в хороших отношениях – когда-то Сантана, еще служа в полиции, вытащил мелкого узкоглазого из-под завала во время реального рейда в сетевой бордель. Мамаша его погибла под обломками притона, а мальчика Сантана отдал одной пожилой китаянке. Вместе со своей второй, хакерской визиткой, разумеется, – мало ли какими путями занесет в Чайна-таун, или местным потребуются его услуги...

Да уж, за время службы на «пинболов» Сантана успел обзавестись кучей полезных знакомств и даже друзей.

Рынок, собственно, представлял собой довольно длинную и узкую улочку, сплошь обвешанную веревками с бельем, бумажными драконами, фонариками, двуязычными вывесками и прочим национальным хламом, который китайцы волокут с собой в каждый город, едва только в нем обоснуются.

Шуруп высматривал знакомого торговца. Он так и не научился ориентироваться тут, помнил только название лавки – «Белый тигр». Метров через двести, выслушав миллион оглушительных зазывных криков и вдохнув килограмм ароматных паров от пищи, он, наконец, увидел знакомую четвероногую тварь над распахнутой стеклянной дверью.

– Господин Сюруп, – расплылась в широкоскулой улыбке китаянка в теплой серой куртке и разбитых сапогах – в лавке было прохладно. Это была супруга хозяина. Она плела из цветных кабелей что-то вроде коврика. – Сто-то хотите купить?

– Угу.

Хозяйка послала сына приглядеть за байком посетителя, сама же сходила за мужем. Вскоре тот уже принял «термита» в задней части лавки, крошечной комнатухе с огромным металлическим шкафом, полным бэушной электроники.

Китаец выслушал пожелания Шурупа и без лишних слов разложил перед ним двенадцать серебряных блюшек нательного интерфейса и двадцать метров тончайшей металлокерамики, мотком. Естественно, сверхпроводящей, другой хакеры не признают. К этому товару присоединилась и упаковка мономерных волокон, так называемых «мозговых волос», предназначенных для нанизывания на черепные импланты. Словом, для нормального подключения Ии к Сети всего этого вкупе с очками и добытыми из головы кибера деталями было достаточно.

– Вот этого не надо, – показал на «волосы» Шуруп. Китаец изобразил удивление. – Нашел сегодня новую упаковку на свалке.

Китайцу необязательно знать, что операция предстоит на черепе корпоративного клона, в чей мозг уже внедрены волокна.

После приличествующей торговли сошлись на семидесяти евро. В принципе, на товар можно было бы потратить и меньше, но при условии, если бы операцию по вживлению имплантов проводил местный эскулап. Однако в сумме все равно вышло бы дороже, поскольку Гангрена работал бесплатно и пока справлялся.

И вообще, случай Ии был особый, «засвечивать» ее было пока нельзя.

– «Термиты» мои друзья, – под конец завел речь китаец, когда жена принесла им с Шурупом по чашке чая.

– И вы наши друзья, – кивнул Шуруп. – Мы чтим законы Чайна-тауна.

– Новое поветрие в городе... Прошел слух, что все нелегальные операции по вживлению периферии скоро подскочат в цене. Но сейчас еще можно заказать по старой, с моей скидкой. Ох, что за времена... Никакой стабильности в этом мире.

– Кому-то наступили на хвост?

– Есть такой кадр в Сетевой, среди хакеров известен по кличке Клещ. Разнюхал он, что импланты его дочери, которая умерла от передоза, вживили у нас. А делали ей отводку от гениталий в мозг. А потом – нейроперегруз... Девчонка умерла. Вот и встал на дыбы. Так что, ребята, лучше бы вам пока затаиться, а то засветите старину Гангрена.

– Это все?

– Еще говорят, что он выбил немалые бабки на вербовку агентуры среди наших, и даже кое-кого в бандах зацепил. Ох, и кому теперь верить?

Старый китаец покачал головой и допил теплый чай. Похоже, на этом его новости кончились, но и такого было довольно. Что-то слишком много стало с потеплением случаться нехорошего – вот и к проблеме с Ией добавилась новая головная боль с Клещом. Хорошо, если этот резвый «пинбол» ограничится китайцами. А если и до «Конной тяги» доберется? Оттуда до «термитов» всего один шаг.

Плохо, если зыбкое равновесие между Сетевой Полицией и сообществом хакеров нарушится, тогда жди неизбежных потерь.

На парик для Ии у Шурупа оставалось еще десять евро из выданной Сантаной налички. За такие деньги можно купить отличные дреды, даже с опцией экранирования от вай-фай.

6

Ксант возился долго и ворчал себе под нос что-то неразборчивое. В его взгляде было чересчур много нервов, а в движениях злости. Ия отметила, что «термит» с трудом держит себя в руках. Наркотик не дает ему сосредоточиться. Один раз он выбежал из комнаты, бросив: «Я сейчас!» – а когда вернулся, голова у него была мокрая. Вид посвежевший. Расчесавшись, хакер продолжил работу.

Ия поежилась. Ксант стоял над ней, держа в руке сканер и планшет, на котором отражались какие-то данные. Лазерным карандашом «термит» правил таблицу.

– Ничего постороннего, похоже. Слышишь?

– Да.

– Твои импланты откликаются, это верно, но они слепы. То есть... – Ксант склонился над подопытной. – Может, чтобы мы время не теряли, расскажешь, как на самом деле было? Зачем ты здесь?

– На собрании же все выяснили, – ответила Ия. – У тебя приказ главного. Его нужно выполнять.

– Ты меня еще учить будешь... – проворчал Ксант. Эйсид его, похоже, отпускает, а на место возбуждения приходит подавленность.

Снова несколько манипуляций со сканером и планшетом. Все данные Ксант выводит на голограммный монитор, а сам садится на стул, задирает ноги на край стола и начинает изучать то, что удалось найти. Диагностическая программа развертывает перед ним одно окно за другим. Невзирая на свое состояние, Ксант работает со знанием дела, не отвлекаясь на мелочи.

Сантана не держит дилетантов – это ей было ясно с самого начала. Пусть они недолюбливают друг друга и часто устраивают свары, но в целом это хорошо сколоченная команда.

Таковы реальные люди, с кучей недостатков, подчас непредсказуемые... Не виртуальные медиа, неспособные дать правдивое представление о своем владельце. Пользователи, выходя в пространство Сети, предпочитают избавляться от недостатков – насколько это позволено законами. В Сети все красиво и одеты с иголки – если хозяин-человек желает этого...

Ия думает, что ей нелегко придется в этой компании. Но интерес ее не уменьшается – скорее, наоборот. Если смириться с неизбежными неудобствами, то жить в реальном мире вполне возможно.

Ия поворачивает голову к Ксанту.

– Долго мне еще лежать? – спросила она. – Несмотря на пушку, тут холодно.

– Валяй, одевайся, – откликается Ксант. В его руке появилась пачка сигарет. – Куришь? – «Термит» оглянулся через плечо.

– А? Нет.

– Ну и ладно... – Хакер зажигает сигарету, выпускает дым. Он нарочито холоден с Ией, словно чем-то обижен.

– Каковы же результаты? – спрашивает девушка, одеваясь.

– Нормальные результаты.

– А все-таки?

– Мое мнение? Ну... Возможно, я зря голосовал за то, чтобы ты осталась. По-моему, ты морочишь нам голову и преследуешь какие-то свои цели. Зачем комедию ломать? Сначала она, видите ли, ведет себя словно имбецилка, а потом глядишь – глазки блестят, а в них совсем недетский ум... Я ведь заметил, не думай, что я псих, который только химию ест.

Ия быстро справляется с одеждой.

– Я так не думаю.

– И правильно. Я скажу Сантане, что тебя можно подключить к локалке. В логотипе прячется датчик GPS, однако он мертвый. Импланты твои безопасны. Стандартный софт, стандартная начинка, ничего слишком навороченного. А то, что они не падают, а валяют дурака, то в этом собой виноват. – Ксант ткнул сигаретой в голографическое изображение окна программы. – Она говорит, что у тебя как будто есть связь с базой... Но я считаю, что это глюк. У киберов в мозгах тоже часто происходят подобные сбои. Трафик диагност улавливает, а связи нет на самом деле... Когда тебе Док вставит железки для Сети, все изменится. Возможно, твои родные импланты тебе и не нужны будут... Мой вердикт на сегодняшний день – к службе пригодна. – Ксант ощерился. – Тело вполне обыкновенное, за исключением того, что тебе улучшили связки на руках и ногах, а также слегка модифицировали мышцы. Думаю, произошло это лет в пять-шесть. Тебя готовили ко всяким задачам. В том числе к физической нагрузке...

– Наверное, – сказала Ия.

Ксант повернулся к ней:

– Ты не врешь насчет энергии?

– Нет.

– Вот прямо так и можешь качать?.. Не врешь?

– Я же сказала, что нет. – Ия смотрит ему в глаза. У Ксанта отходняк после дозы. Лицо его покрывается красными пятнами.

– Ты научишь меня этим штукам?

– Может быть. Как Сантана скажет...

– Да он...

В дверях возникла Кэмел.

– Как делишки? – спрашивает она.

– Порядочек. Можешь ее забирать, – не оборачиваясь, говорит Ксант.

Кэмел оглядела Ию, стоящую у дивана, уже полностью одетую.

– То есть наша подруга невинна и чиста?

– Я же говорю – все на мази, – огрызается хакер.

– Ну, Ия, пошли... Пора работать. Дел до черта.

Ия не спешит.

– Ксант, каковы гарантии, что Док справится с операцией? Его неверные действия могут привести к непоправимым последствиям. Если к тому же он будет под действием психоактивных препаратов.

«Термит», взявшийся с оборудованием, обернулся и вытаращил глаза.

– Ну ты вообще... Ты где разговаривать училась? Да и насчет Гангрены... Какое тебе дело до того? Все сделает как нужно. Без этого ты все равно нормально к Сети не подключишься.

Ия молчит, подбирая ответ. Тэна, плавающая внутри сферы, понимает, что, общаясь в таком странном стиле, она привлекает к себе излишнее внимание. Пора учиться говорить живым языком, а не пользоваться лингвистическими программами. Здесь не виртуальная реальность, которая все стерпит. Надо быть внимательной и максимально сосредоточенной. Разность между существом и клоном и так видна уже слишком отчетливо.

– Если Док ошибется, я умру. Операция на мозге... слишком рискованна.

Ия закусывает губу. Нет, не получается пока говорить непринужденно и не лезть за словом в карман.

– Поговори с Сантаной на эту тему, – ответил Ксант, отвернувшись. – Мне плевать.

Он вынул из ящика пистолет и положил его на столешницу. Кэмел, стоявшая все это время в дверях, заметила его маневр и подошла к Ие.

– Послушай, подруга. Я тебе все объясню. Будь терпелива и кротка, словно овечка...

Ия нахмурилась. Существо выискивало в своей памяти образ названного животного. Здесь, наверное, заложена какая-то идиома. Нужного ответа отыскать Ия не смогла.

– Короче, слушайся меня. Пойдем. – Кэмел вывела Ию из убежища Ксанта, и позади них грохнула закрываемая дверь. Кэмел, сжав зубы, кинула злой взгляд через плечо. – Ксант, когда чего-то не получает по своему желанию, начинает вести себя словно маленький ребенок. Капризничает.

Раздается выстрел. «Термит» опять занялся продырявливанием стен. Завоняло кордитом. Ия взглянула на Кэмел и увидела, что маленькая девушка побелела от ярости. Значит, в другой ситуации она бы закатила Ксанту грандиозную истерику.

– Чего он хотел?

– Не чего, а кого, – тебя, конечно. Ты скоро поймешь, подруга, что мы тут все такие... Мы психуем, когда нас что-то достает, до печенок проедает... Привыкай. Мы такие. Мы не клоны, потому и подвержены перепадам настроения. Не говоря уже о том, что все балуемся наркотой...

– В чем же смысл приема этих препаратов? – спросила Ия. – Вредное воздействие касается всего тела, и мозга в особенности.

– Не забивай себе голову – дольше проживешь.

Они вышли на середину Цеха. Перед ними была широкая полоса бетона, точно взлетная площадка для самолетов. Справа и слева высился разный хлам. Стальные ящики с нужными и ненужными вещами, неработающие станки, разный железный лом, сегменты покрытия для крыши, видимо запасные, рамы от окон, притащенные из соседних, полностью разрушенных цехов, мотки разноцветного кабеля, банки с краской. Ия оглядела эти залежи артефактов технологического упадка, заметив также полуразобранный, старой модели рекламный уличный голопроектор и древний компьютер, которому место в музее, – монитор у него был на жидких кристаллах.

– Ну как? – спросила Кэмел. – Осваиваешься?

– Адаптируюсь...

Кэмел скривилась – наигранно.

– Не говори как кибер, тошнит слушать. Скажи типа: славно, втыкаюсь, ладушки, торчу! Чего-нибудь в этом роде, а не так по-книжному.

Ия изобразила улыбку. Сейчас это у нее получилось лучше, чем вчера.

– Я постараюсь... Воткнуться.

– Вот, другое дело, подруга. Займемся уборочкой. Хорошо, что ты появилась, а то на мне все тут ездят кому не лень. Видите, если я младшая самая, то можно и эксплуатировать.

Ия указала на залежи разнообразного хлама:

– Это нам надо убрать?

– Нет, конечно. Наше дело пыль. Косметическое наведение марафета, так сказать, – отмахнулась Кэмел, направляясь к шкафчику рядом с обеденным столом. Оттуда она вынула два фонаря на батарейках и перчатки из толстой резины. – Чтобы это реально разгрести, надо бульдозер!

– А с чего начнем?

Девушка подошла и всучила Ие фонарь и перчатки.

– Сначала пойдем в подвал.

– У вас нет роботов-уборщиков?

Кэмел рассмеялась.

– Привыкла к своим штучкам в богатеньком доме – или где ты там обитала... Все ручками, ручками. Сантана удавится, а не даст нам купить даже антикварную модель. Начнет гундеть, что деньги нам достаются нелегким трудом и все такое, что тратить их на всякий хлам он не позволит. Правильно! Зачем нам роботы, когда есть Камилла!.. – Она закатила глаза. – Сантана мне вообще в последнее время ни гроша не дает!

– Почему?

– Трачу, видите ли, много. Ну и че? Солить, что ли, бабло?

Наверху, на ремонтном мостике под потолком Цеха появился Шварц. Металлическая конструкция под ним громко заскрипела. На качке была куртка с меховым воротником, наподобие классической пилотской.

– Что, от работы отлыниваете? – сказал Шварц сверху, остановившись.

– Топай куда шел! – ответила Кэмел. – Ладно, подруга, пошли в подвал. Быстрее закончим, быстрее освободимся...

Шварц усмехнулся, глядя на девушек. Кэмел взяла Ию за руку и повела за собой, к западной стене Цеха. В подвал вело семь сбитых, покрытых сухой грязью ступенек. Деревянная дверь еле открывалась, разбухнув от влаги, хоть и была обита железными листами для прочности.

Шварц покачал головой и отправился дальше. Мостик, по которому он шел, заканчивался вертикальной лесенкой, по которой можно было добраться до люка на крышу. Громила еле протиснулась в квадратное отверстие и исчез наверху.

Ия остановилась и с удивлением потрогала дверь в подвал. Материал имел свою особую текстуру. Вот что такое настоящее дерево, оказывается. Ия поглаживала участок двери между металлическими сегментами обшивки.

– Эй, – позвала ее Кэмел, высовываясь из-за двери. – Уснула? Деревя не видела?

– Нет, – сказала Ия. – Настоящего не видела

– Ну ты вообще... А еще на «Лунар» батрачила! Пошли. – Она затащила клона внутрь. Ия увидела тусклую лампочку под потолком, которая освещала от силы одну двадцатую подвального помещения. – Тут у нас хранится самое ценное, включая запасы провизии. Она в металлических холодильниках, чтобы крысы не прогрызли. – Кэмел включила свой фонарик, обводя большое помещение сильным лучом света. Крысы побежали в разные стороны. Ия отступила к двери. – Не бойся... Сейчас мы их прогоним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.